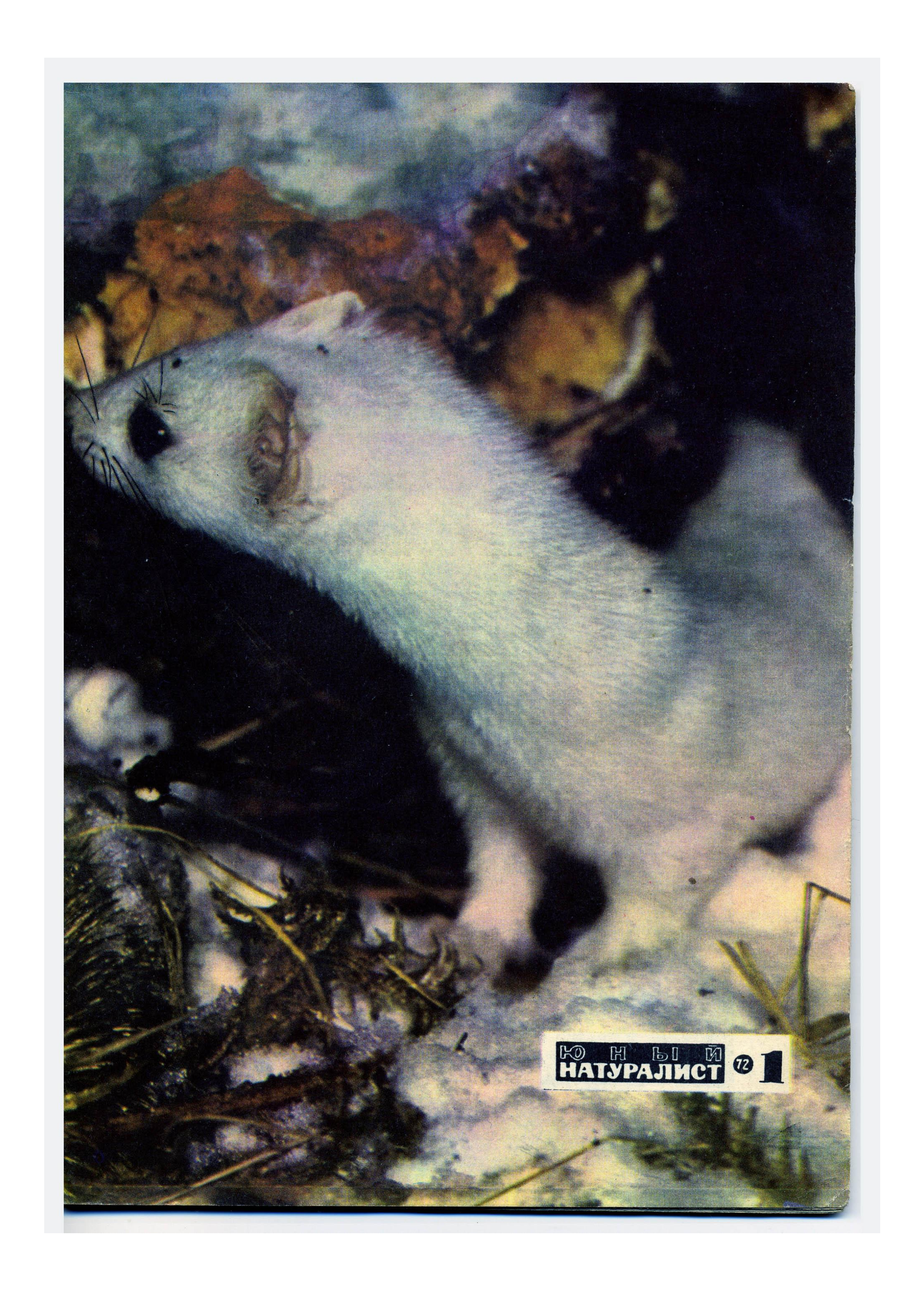
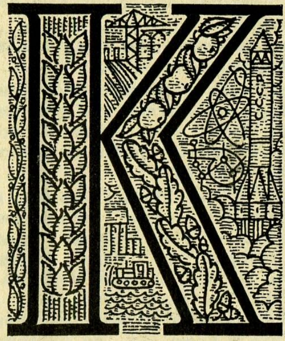

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
72
1

1922—1972

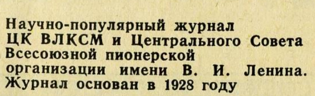

омандующий поманил адъютанта. Тот услужливо подал ему бинокль. Фашистский генерал стал вновь рассматривать проклятую высоту. То, что здесь происходило, не укладывалось ни в какие рамки. Фашистские войска смертельным кольцом сжали Ленинград. Несколько хвастливых реляций уже отправлены фюреру. Но неприступна твердыня на Неве. Вот и этот дот, который преградил дорогу его бронированным машинам. В шестой раз шли танки на высоту. Временами генералу казалось, что в доте не люди, а дьяволы. Изрыгая огонь, кроша гусеницами все на своем пути, танки лезли на высоту, чтобы наконец смять, раздавить все живое. И проклятие! Огневая точка вновь ожила. Зачадил один танк, волчком закрутилась на перебитой гусенице вторая машина, змейками побежал огонь по броне третьей.

Судьба оказалась милостивой к генералу — он унес ноги с советской земли. Тогда его головорезы все-таки захватили злополучный дот. Но одолели огневую точку, когда погиб ее последний защитник. После войны на досуге гитлеровский вояка осмысливал итоги военной и моральной катастрофы фашистского рейха. В своих мемуарах он вспомнил и о легендарном доте на Пулковских высотах. Ко-

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Журнал основан в 1928 году

гда гитлеровцы ворвались в замолкнувший дот, на стене они прочли кровью написанные слова:

«Нельзя нас победить. Мы одна семья, мы Советский Союз».

Может быть, сейчас гитлеровский бандит по-настоящему осмыслил эти простые, мужественные слова. Последнее — что сказали в своей жизни отважные защитники легендарной высоты.

Вчитываешься в эти скупые строки. И хочется представить солдат, презревших смерть и шагнувших в бессмертие. Услышать песни, которые им пела родная земля, увидеть те сады и поля, которыми любовались они. Их было пятнадцать, и родились они на разных широтах необъятной Родины. Кто в краю гор, кто на вольных степных просторах, одни в городе, другие в деревне. Но росли они под одним небом, в единой семье советских народов, под небом Советской Отчизны.

Карта любимой Страны Советов. Извилистые ее контуры, священные рубежи помнишь с детства. Нет конца и края Отчизне, земли которой раскинулись на двух континентах. Студеный океан на севере и теплые воды южных морей, грозные шквалы Тихого на востоке и туманы Атлантики на западе. Солнце рождается на краю нашей земли и, пройдя за длинный день безбрежные ее просторы, гаснет на западных рубежах Отчизны.

Не сыскать в мире такой гигантской земли, таких невиданных территорий, где бы так дружно, по-братски жили и трудились навек породнившиеся народы. Разноязыкая, великая семья свободных наций, государство рабочих и крестьян, детище Ленина и Коммунистической партии — Союз Советских Социалистических Республик в этом году празднует полувековой юбилей. Народы-братья отметят величайшую дату в своей истории. Мир не знавал еще такого сообщества наций: равных, свободных, где общие идеалы и общая радость труда, где все вместе в праздники и в будни. Где уважение и помощь друг другу стали законом жизни.

Время не раз испытывало крепость дружбы народов-братьев. Сколько раз снилось нашим заклятым врагам, что когда-нибудь наступит разлад в дружной советской семье, что удастся им подточить, размыть устои братского Союза. Они пытались делать это огнем и мечом, они старались исподтишка, они клеветали и надеялись, но каждый раз оставались посрамленными. В лихую годину плечом к плечу вставали братья. Отважные грузины отстаивали русскую землю, храбрые белорусы сражались на украинских просторах, сыны Средней Азии насмерть стояли под Москвой. История бережно хранит тысячи примеров кровью скрепленного братства.

Бесконечные обелиски, эти скорбные и гордые памятники всенародного подвига, они разбросаны по всей нашей стране. И каких только фамилий не встретишь на них! Русские, татарские, литовские, украинские, осетинские, армянские, чувашские — да разве можно перечислить всех славных сынов советской земли!

Для врагов страшна и непонятна вечная дружба, взаимопомощь многонациональной семьи, для нас же это смысл всей жизни, славный итог мудрой национальной политики родной Коммунистической партии.

Когда победоносная Красная Армия освобождала земли прекрасной Украины, к торжеству победителей примешивались чувства ненависти, горечи, заботы. Потому как гитлеровские варвары оставляли после себя мертвую зону. Казалось, что нет таких сил, чтобы поднять все из руин, восстановить разрушенное. В развалинах лежали заводы, затоплены были шахты Донбасса. И потянулись эшелоны с востока, и поехали добровольцы, чтобы дать стране уголь, чтобы помочь украинскому народу возродить свою республику. Великая советская семья посылала своих сынов на Украину и в Белоруссию, в Литву и Молдавию — во все края и области, которые пострадали от гитлеровского нашествия.

А из блокированного, скованного стужей и голодом Ленинграда на восток тянулись эшелоны с детьми. Бледные, ослабевшие ребята ехали в глубокий тыл страны, чтобы отойти от ужасов бомбежек и голода, чтобы найти приют и ласку в незнакомых им раньше семьях. Приветливо щурился узбекский аксакал, угощая сладостями и сытным пловом ослабевших ребятишек, ласково успокаивал их на чужом, впервые услышанном ребятами языке, и, глядя в его добрые глаза, понимали дети — здесь они обрели новую заботливую семью. Звенели голоса украинских ребятишек в далекой Сибири, сыновьями стали в семьях алтайцев дети многострадального Минска. Историки еще напишут много волнующих рассказов о бескорыстном братстве семьи советских народов, о их готовности всегда делить радости и горе, всегда быть вместе.

То, ставшее уже далеким, апрельское утро 1966 года не предвещало беды. Над тихим Ташкентом плыл теплый рассвет, буйным цветом полыхали сады, мирно спали жители миллионного города. И вдруг закачалась земля, взгорбилась глухим рокотом, заходили ходуном дома, послышались крики. Беда ворвалась нежданная, на большой город обрушилось землетрясение. Его удар был беспощаден и свиреп. Тысячи людей остались без крова, в одну минуту было искорежено, смято, что создавалось трудом десятилетий.

Мы немало знаем о трагедиях городов. Стихийные бедствия обрушивались на разные страны. И многие годы урон землетрясений оставался тяжелым наследием для жителей разрушенных городов. У Ташкента судьба оказалась другой. Ведь он город советский, и его беда стала бедой для всех. Советские люди пришли на помощь узбекскому народу. Сотни эшелонов, десятки тысяч добровольцев пришли в разрушенный город. Помощь страны была большой и бескорыстной. Среди тюбетеек и национальной одежды замелькали кепки минских каменщиков, вихрастые чубы украинских хлопцев, костюмы русских ребят. Они строили так же старательно и с таким же вдохновением, как возводят отчий дом. Добровольцы сами ютились в палатках, но действовал непреложный закон — первое жилье пострадавшим, народу-брату, попавшему в беду.

Южный город — его преображенная новь явила миру великий пример бескорыстия и братства, интернационализма и дружбы, скрепленной узами десятилетий.

В то памятное лето мне довелось быть в Ташкенте. На своем веку доводилось видеть много впечатляющего и значительного. Но то, что происходило в узбекской столице, поражало любое воображение. Казалось, что думы всей страны сошлись на этом городе, что нет сейчас важнее для советской семьи заботы, чем возродить и подарить народу-брату его столицу. Работали одержимо, работали празднично. И нипочем была ужасная жара. На старой, глинобитной Кашгарке, которую подземный толчок разом сровнял с землей, группа молодых строителей возводила девятиэтажный дом. Пот ручьями на лицах, нестерпимое полуденное солнце. К стройке подошли два старых узбека. Они молодцевато начали карабкаться по строительным лесам. В их руках были чудесные дыни. Любовно выращенные старыми руками, дыни были преподнесены как символ величайшей признательности московским строителям. Пройдут годы, но будет трудно забыть эти тихие слезы, струившиеся по морщинистым лицам аксакалов. Они были очень старыми, эти узбеки. И трудно сказать, о чем думали они в этот миг. Может быть, что жизнь оказалась щедрой к ним, и они увидели такое настоящее братство, настоящую дружбу большой семьи.

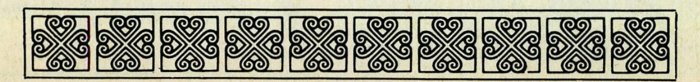
Пятьдесят лет по карте мира шагают четыре гордые буквы — СССР. Одна шестая часть света. Страна, показавшая всему миру интернационализм и братство в действии. Страна, населенная народом-тружеником. Кто не раз опрокидывал всякие прогнозы наших недругов, кто сейчас строит самое справедливое общество на земле — коммунизм.

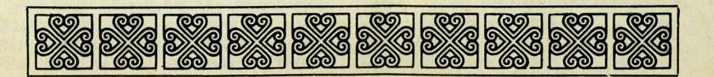
Победной поступью шагает по стране девятая пятилетка. Каждый день крепнет твоя Отчизна. Великие цели у твоей Родины, благородны ее помыслы, грандиозны дела.

XXIV съезд КПСС наметил волнующие планы строительства и созидания. На великих просторах Родины кипит напряженный труд. Вся семья советских народов в этот праздничный год трудится с еще большей энергией, с еще большим вдохновением. Под стать взрослым и дела ребят. Такие же вдохновенные будни у советской детворы: в классной комнате или на пришкольном участке, на полях производственных ученических бригад или в школьном лесничестве. В этом году пионерия встречает и свой юбилей — 50-летие Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Встречает успешно и радостно. Хорошими делами и отличной учебой, верностью заветам взрослых и осознанной причастностью к славным делам старших поколений. Вместе со всей семьей народов-братьев юная смена говорит:

— Слава великому празднику — 50-летию Союза Советских Социалистических Республик.

А. ВИНОГРАДОВ

«Всегда готов!» Словами этого пионерского призыва будет называться наша новая рубрика. Размашисто, дружно шагает по стране «Пионерстрой». «50-летию пионерии — самые лучшие, самые славные дела!» Таков девиз юных ленинцев.

Первый наш рассказ о замечательных и добрых делах пионеров солнечной Молдавии.

Гроздья солнца

Поражает на винограднике некая шахматная разлинованность, пронзительная прямизна зеленых аллей. Словно по невидимо натянутой нити выстроились несчетные столбики из белого бетона. Упругие струны проволоки стягивают их в бесконечные ряды. Густо перевитые лозой, зеленые стены эти, словно янтарными и яхонтовыми фонарями, увешаны налитыми гроздьями. Тронь пальцем — и брызнет горячий солнечный сок.

Небывалый урожай вырастили виноградари Молдавии в первом году девятой пятилетки. Миллион тонн! И в этом рекордном миллионе — тысячи тонн солнечных ягод, взращенных и собранных руками пионеров.

Пересеченская школа Оргеевского района. Здесь против обыкновения не одна, а целых две производственные бригады. «Так соревноваться интереснее», — объясняют два бригадира, две Кати — Ницэ и Бусуек. И есть в каждой бригаде свои почтальоны-связисты, свои санитары и даже водоносы.

Сразу же после завтрака — разводка по рабочим местам. Каждому — свои грядки. Прольется над плантацией переливчатая песня горна — и закипела работа. Только успевай: не обогнал бы сосед. А если отстанет — помоги. Такой тут закон.

Знойно лето в молдавских степях. Благодатна осень. Благодатна сладкой тяжестью виноградных гроздьев. И не заметишь, как полна большущая корзина, которую поднять впору только вдвоем. И бегут, бегут по дорогам грузовики с виноградом, выращенным пионерами.

Родничок в кодрах

Кодрами зовут здесь лесистые холмы, а то и просто леса, если нет поблизости холмов. Любят в Молдавии кодры: тень здесь редкость. Много легенд сложено о них, торжественных и грустных, сказочных и героических. Но вот родилась новая легенда — пионерская. Имя ей — родничок.

Есть в 17-й кишиневской школе отряд имени Аркадия Гайдара — дружный 7-й «Б». И учатся ребята хорошо, и хор у них лучший в школе, и отдыхают ребята вместе. С этого все и началось. Поехали в воскресенье в пригородный Рышкановский лес. Конечно, кто за мяч, кто по грибы, кто за альбом для рисования. И вдруг... Сейчас никто не может назвать точно имя первооткрывателя. То ли Валера Малич, то ли Галя Анохова, то ли Сережа Лаур. Да и в этом ли дело? Словом, заметил кто-то, что из-под камней сочится вода. Хотели напиться. Но вода оказалась замутненной, кругом стекла бутылочные... Родничок — это светлое око земли — был обезображен. И тогда решили ребята: родничок должен быть чистым. И вот уже объявлен в школе конкурс на лучшее художественное оформление источника. В «Юном ленинце» — газете молдавских пионеров — напечатано обращение ко всем школьникам республики: пусть каждый родничок в кодрах зазвенит хрустальной водой!

И свершилось.

Расступятся акации, клены, тополя — и сверкнет на солнце прозрачная вода. Не узнать прежний родничок. Теперь он бьет из бетонной плиты. На блестящей ее плоскости — красный галстук, факел и слова: «50 лет пионерии».

Пройдет случайный путник, отведает вкусной холодной воды, «спасибо» скажет. А в кодрах уже забили из земли новые роднички, любовно ухоженные заботливыми ребячьими руками. В Рыбницком районе, в Страшенском. Так прямо на глазах рождается новая легенда — пионерская.

Тыквенный домик

Этот пакетик пришел на Кишиневскую станцию юных натуралистов из Ленинграда, из Всесоюзного института растениеводства. В пакетике были семена тыквы. Но не простой, а бутылочной. Все шло обычным порядком — проверка семян на всхожесть, высадка в торфо-перегнойные горшочки, пересадка ростков из оранжереи в грунт — все шло обычным порядком до тех пор, пока на плетях не образовались завязи. Вот тогда-то Таня Цимбалист вместе с друзьями из кружка юных любителей природы и провела опыт. Длинные плети, которые цеплялись за что попало и неудержимо тянулись вверх, были направлены на специальную изгородь. Чтобы тыквочки приобрели бутылкообразную форму, завязи должны быть непременно на весу. Опыт удался. Осенью ребята собрали урожай с необычных тыкв — бутылочек.

Заповедный Гербовецкий лес щедро одаривает ребят интересными наблюдениями и открытиями. И ребята не остаются в долгу. Благодарны им муравьи: все муравейники взяты на учет и огорожены. Признательны и птицы: зимой лесные столовые никогда не пустуют, а по весне ребята обязательно развешивают в самых уютных и безопасных местах новые скворечники и дуплянки. «При чем же здесь тыквы?» — спросите вы. Не догадались? Так слушайте. Сначала из тыкв, просверлив в них небольшие отверстия, извлекли семена (вот вам первый подарок птицам). Потом тыквы просушили. Придет весна, и птицы, вернувшись в знакомый лес, найдут на деревьях полторы сотни необычных тыквенных домиков.

Счастливого вам новоселья, пернатые друзья!

Более 50 тысяч ребят, объединенных в 800 ученических производственных бригад, получили прошедшим летом трудовую закалку на плантациях колхозов Молдавии. Общая площадь земли, на которой они работали, превышает 32 тысячи гектаров.

Ребята Яловенской средней школы Страшенского района уже второй год под руководством ученых Кишиневского государственного университета ведут опыты по изменению наследственной памяти кукурузы. Особая гордость юннатов этой школы — прекрасный формовый сад плодовых деревьев, привитых на карликовых подвоях.

Ученическая производственная бригада из села Коротное Слободзейского района вырастила самый высокий в районе урожай лука. Далось это нелегко: каждое растение пришлось отвоевывать от вредителя — совки. Было в этом поле целых 10 гектаров, и каждая лента всходов тянулась на 700 метров.

Из ученической производственной бригады Лядовенской средней школы Рышканского района вышли Герой Социалистического Труда бригадир тракторной бригады Г. В. Талпэ, кавалер ордена Ленина бригадир полеводов Г. П. Стойка, депутат Верховного Совета МССР звеньевая М. П. Ревенко.

Как только не зовут ее в народе, белоствольную нашу красавицу! И всегда ласково, нежно. Кудрявая, русокосая, стройная... По праву снискала такую любовь береза. Пожалуй, не сыщешь дерева приветливее и светлее. Недаром и зимой и летом так ослепительно нежны березовые рощи. Словом, давно уже белоствольная береза стала символом нашего леса, необозримого зеленого океана, так нужного всем нам.

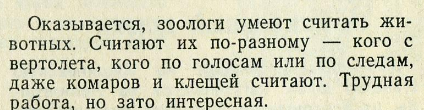
Накрепко вошел лес в нашу жизнь. Вряд ли представишь родные просторы без изумрудных ельников и бронзовых боров, могучих дубрав и веселых сквозных перелесков. И от нас зависит, чтобы не оскудевали лесные кладовые, чтобы вечно служил людям этот щедрый богатырь.

«Белая береза» — так называется конкурс юных друзей леса, который мы начинаем. Все школьные лесничества страны могут принять в нем участие. Пусть не волнуются и ребята тех мест, где такие лесничества пока не созданы. Организуйте отряды «зеленых патрулей». Это посильно и для пионерской дружины, и для класса, и для школьников отдельных сел, поселков, кварталов, улиц.

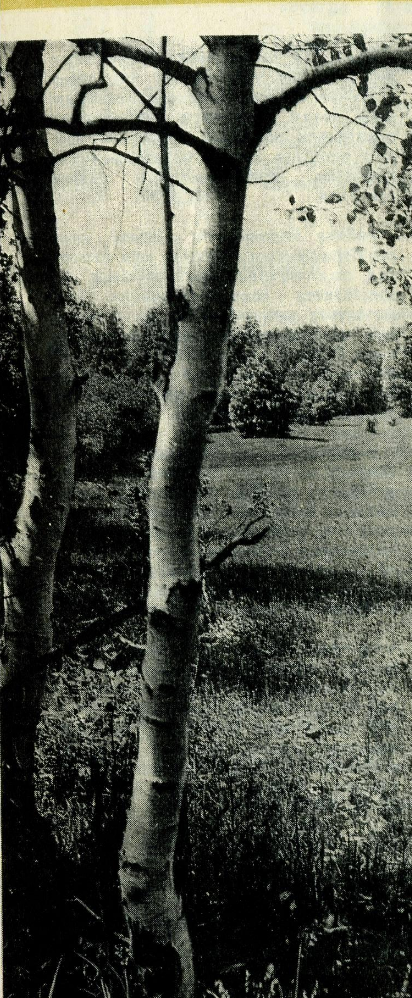
Условия конкурса просты: точное выполнение всех заданий «Белой березы» и своевременное оформление отчетов и донесений.

Всем, всем друзьям леса! Не позднее 5 февраля ждем от вас писем с заявками на участие в конкурсе. В заявке нужно указать поименный состав вашего отряда и распределение обязанностей.

В течение всего года вы проведете несколько операций по нашим заданиям. Название первой —

ОПЕРАЦИЯ „Снежной тропой"

Оказывается, зоологи умеют считать животных. Считают их по-разному — кого с вертолета, кого по голосам или по следам, даже комаров и клещей считают. Трудная работа, но зато интересная.

А что, если и нам попробовать посчитать зверей в своем лесу?

Чтобы сосчитать животных по их следам, нужно намеченный участок обойти кругом за день. Январский день короткий, а идти надо тихо — ведь придется рассматривать встречные следы, делать записи. Поэтому длина маршрута не должна быть более 10—12 километров. Выходит, если соберется человек десять учетчиков-следопытов, то можно наметить пять разных маршрутов.

Без чертежа не обойдешься. Надо скопировать в лесхозе или в лесничестве карту леса в масштабе 1 : 10 000 (один сантиметр на плане соответствует 100 метрам на местности). На нее и нанести маршруты.

Лес разбит на кварталы просеками или дорогами. На пересечениях просек ставят столбы с номерами кварталов. Сторона квартала обычно 1 километр. Значит, периметр около 4 километров. Выходит, что для одного маршрута достаточно 2—3 кварталов.

Каждый учетчик должен начертить схему своего маршрута. Но как найти его в лесу? Самое надежное — попросить лесничего или лесника помочь наметить удобные маршруты и заранее показать в лесу их границы.

Теперь нужно дождаться свежей пороши.

И вот мы идем по маршруту. Впереди след зайца. Он вышел из нашего участка и юркнул в густой ельник. На своей схеме рисуем стрелку, указывающую направление следа, и делаем надпись: «Заяц». Вскоре наш путь снова пересек заячий след, только в обратном направлении. Рисуем новую стрелку.

На маршруте нам встретились следы лося, лисицы, хорька, много набродили белки. Все, что видим, заносим в свою схему. На ней уже много стрелок и надписей.

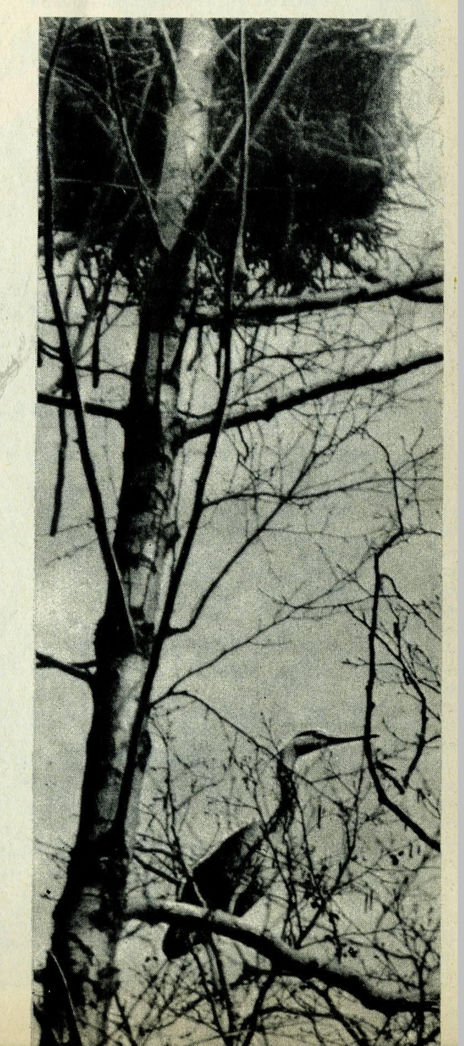
Наконец круг замкнут. Собираемся в лесной сторожке, чтобы посчитать по стрелкам входные и выходные следы отдельно по каждому виду зверей.

Заяц 10 раз входил в круг, а выходов только восемь. Значит, на нашем участке лежат два зайца, входов и выходов лося оказалось поровну. Сохатые только побродили по лесу и ушли дальше. Не ошибитесь, когда будете считать беличьи следы. Ведь белка бродит не только по земле, часто прыгает с дерева на дерево, и никаких следов не остается, кроме упавших с веток комков снега.

Кажется, не так уж и трудна задача по зоологической арифметике. Только нужно суметь отличить лисий след от собачьего, заячий — от беличьего, понять, в какую сторону зверь направился, разгадать его головоломки, когда он сделает петлю или своим же старым следом пройдет.

Если сумеем — значит, выполним серьезную, важную работу, которая очень понадобится и лесхозу, и Обществу охотников, и Государственной охотничьей инспекции, и отделению Всероссийского общества охраны природы, и, конечно, школьному юннатскому кружку.

Итак, первое задание получено. Выступайте в поход отряды «Белой березы». Составленные карты с перечнем обитателей вашего леса высылайте в штаб, который создан при редакции «Юного натуралиста». Последний срок отправления донесений по операции «Снежной тропой» — 20 марта. Желаем вам удачи, юные друзья леса!

ЖЕМЧУЖНЫЕ ЗЕРНА

В воздух поднимались самолеты, снабженные аэрофотосъемочной аппаратурой. На длинные столы лабораторий ложились сотни снимков, соединяясь в подробную карту местности. Электронновычислительные машины переводили эти карты на язык цифр и давали свои советы людям в белых халатах. В то же время из-за леса, глухо урча, выходили тяжелые машины, вооруженные стальными клыками и лопатами. Не спеша продвигались к месту

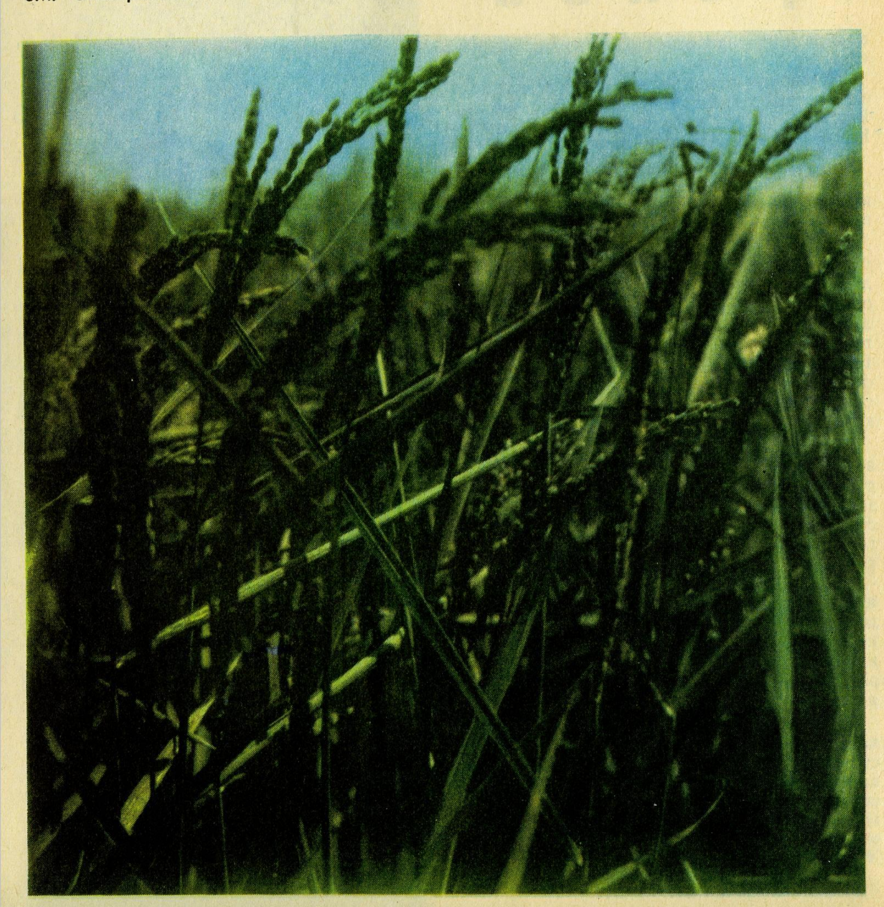

Рис. Л. Сизякова

действия передвижные бетонные заводы. Метеорологи вновь проверяли многолетние сводки погоды. Строители готовили фундаменты под плотины и мосты. Монтажники тянули линии электропередачи к новеньким насосным станциям. И все они порознь и вместе — строители, летчики, электрики, трактористы, дорожники, проектировщики — были заняты одним делом. Они готовились добывать жемчуг, который растет в поле. Называют его коротким словом — рис.

Рис — растение необычайное. Все в нем удивительно, даже его внешний вид. Посмотрите: на стебле у растения будто целый куст колосьев. На одном стебельке тридцать, пятьдесят, сто, даже сто пятьдесят колосков. Вот какое собрание бело-розовых жемчужин на одном растении! Любая пшеница, что возносит к солнышку свой единственный колос, может позавидовать собрату-рису. Недаром рис щедрее на урожай и, как правило, обгоняет пшеницу. Для него принести шестьдесят и даже восемьдесят центнеров с гектара — дело довольно обычное. И очень обидно, что в ботанике это собранное воедино обилие колосков и зерен называют как-то пренебрежительно — метелка. Но, разумеется, сам рис не обращает внимания на то, что его зелено-золотистую крону прозвали метелкой, и гордо тянет ее вверх. Кстати, в глубоких водоемах рис иногда достигает высоты пять метров. Подумать только — вышиной почти с двухэтажный дом. Среди семейства злаковых никто с ним по рекордной высоте потягаться не сможет, разве только кукуруза. Правда, обычный культурный рис ведет себя более скромно и, как подобает именно культурному растению, высоко не заносится, не поднимается выше одного метра. Тем более что человеку рис-великан вовсе не нужен: и воды на него не напасешься, и никакими жатками с ним не справишься. Наоборот, ученые стараются вывести сорта низкорослые, но с особо крепким стеблем. Рису надо крепко стоять на ногах, не клониться к земле, не ронять свои метелки в грязь, иначе никакими ком-

байнами не собрать жемчужины-зерна. Словом, человеку нужен рис — низкорослый крепыш.

Рис проживает уже сотни и тысячи лет. Это важнейшее пищевое растение. До недавнего времени половина человечества питалась рисом. Сейчас он, как вежливый рыцарь, уступает первое место пшенице. Если собрать данные со всех стран мира, то окажется, что пшеница заняла первое место по площади посевов, но всегда уступает рису по урожайности.

По сравнению с той же пшеницей рис не любит уходить корнями глубоко в землю. Главная масса его корней располагается поближе к поверхности земли.

Среди всех жителей полей, садов и огородов наш герой стоит особняком. Он любит воду еще больше, чем бегемот. Тот все-таки время от времени вылезает на землю. А для риса сухие периоды его жизни не превышают считанных дней. Рисовое поле залито водой практически все три с половиной месяца, что отделяют сев от сбора урожая. Говоря языком науки, рис — гигрофит, любитель воды. Много раз пытались выращивать это растение посуху, без обилия воды — ничего не получалось. Вода стала для него пищей, средой обитания, защитой от вредителей и сорняков, теплым одеялом и одновременно холодильником. И для человека, который возделывает рис, почти все земледельческие заботы связаны именно с водой. Как добыть воду? Откуда провести каналы? Где устроить запасные водохранилища? А куда потом девать воду, что сбрасывают с плантаций? Ведь она зачастую слишком соленая: рис привык расти на засоленных землях.

Вода — друг рисовода и одновременно его враг, ибо вода мешает работе машин и механизмов. Значит, машиностроители получают совсем особое задание — спроектировать машины, способные работать по колено в воде или утопая в жидкой грязи. У химиков тоже свои заботы. Ведь одно дело ядохимикаты и удобрения для сухой почвы и сухих растений и совсем другое дело — для плантаций риса. Именно водный образ жизни поселил внутри риса тысячу и одно противоречие.

Его корни искали влагу и получили ее полной чашей. Но одновременно водяное покрывало почти начисто лишило почву воздуха. И пришлось корням приспосабливаться к среде, лишенной воздуха. Рис обрел одно, но потерял другое. Вот первое противоречие. И агротехникам надо это учитывать. Воздух рисовым корням все же нужен. Как же доставить его в землю сквозь толщу воды? Может быть, вспомнить про аквариум с золотыми рыбками и воздушным насосом? Через шланги нагнетать воздух, растворяя его в воде миллионами серебристых пузырьков? Нет, из такой затеи ничего не выйдет. Рисовые поля занимают тысячи гектаров, это не крохотный аквариум, а целые искусственные озера.

Агрономы нашли выход из положения. Осенью, перед уборкой урожая, воду с рисовых полей спускают. Искусственные озера мелеют и, наконец, высыхают. Вот тогда-то самая пора всю почву превратить в кладовую воздуха. Надо его запасти впрок, накопить, чтобы весной земля ушла под воду, вся насыщенная воздухом, вся пропитанная им. Как это сделать? Осенью на рисовые поля выходят мощные тракторы. Именно мощные. Стальным богатырям средней силы тут не справиться. Трактор пашет. Вот уж, казалось бы, самое обычное для сельского хозяйства занятие — пахать. Но у риса все необыкновенное. Для пшеницы и свеклы, картофеля и кукурузы идеальная почва — это мелкие комочки и ровная поверхность, а для риса надо сперва все поле усеять земляными глыбами. Каждая глыба будет отлично проветриваться на свежем ветерке. И ветерок этот принесет в ее трещины, поры и закоулочки живительный кислород. Каждая глыба превратится в консервную банку с начинкой из воздуха. Так будет проветриваться все будущее рисовое поле.

Но смотрите, как тяжело трактору. Он надсадно урчит, отдавая последние силы. Плуг облеплен влажной землей, превратился в бесформенную глыбищу. Нет, не приспособлен обычный плуг для такой работы. Рису все нужно особенное. И пришлось для самого старого земледельческого занятия — пахоты — конструировать особый плуг. На наши рисовые поля вышли особые плуги — дисковые. В них не было традиционных широких ножей, их заменили острые вращающиеся диски.

Итак, за осень и зиму каждая глыба пропитается воздухом. А весной надо сеять рис. Но... опять заминка. Разве по таким глыбам пустишь сеялки? Да они все свои железные бока обломают, растрясут все свои болтики-винтики. Надо для сеялок приготовить дорогу. Гладкую. И на рисовые поля выходят самые настоящие дорожные машины. Именно те машины, что строят дороги. Скребки, огромные ножи и ковши на стальных колесах, влекомые тракторами. Они разбивают глыбы на комочки, подравнивают всю поверхность поля: где подсыплют ковшик земли, где чуть-чуть срежут. Ничего, что они раздробят глыбы. Воздух в них сохранится, и земля уйдет под воду, обогащенная кислородом. Земля уйдет под воду...

Остановимся на минутку и призадумаемся над простым вроде вопросом: сколько стоит эта самая вода? С неба она даром не прольется. Никакие дожди и ливни не смогут наполнить озера рисовых полей. Воду приводит человек. Поперек рек воздвигают плотины, роют каналы и водохранилища. Самолеты делают аэрофотосъемку будущих рисовых полей. Сверху все видно: где низинка, где холмы, где овраги. Все это важно чрезвычайно. Низинки придется засыпать, чтобы рис не утонул, а холмы снести с лица земли, чтобы тот же рис не стоял сухим и не погиб, задыхаясь от нестерпимой для него сухости. Потом придут механические лопаты и бульдозеры, перегородят все поле невысокими земляными насыпями — запрудами. Нет конца заботам. Труд человека, дорогостоящие машины, океан горючего, специальная авиация, вычислительные центры, что помогают проектировать плотины, запруды, каналы, — все сливается вместе, чтобы дать начало животворным рекам воды. Вот цена воды. Вода — жидкое сокровище. И когда земля рисовых плантаций уходит под воду, надо посчитать, чтобы каждый глоток воды, который выпьет земля, пошел бы ей на пользу, не пропал даром.

Рис пропитан противоречиями и проблемами. Мы начали с его корней. И увидели, сколько хитроумной агротехники, какие оригинальные механизмы и самые современные электронные машины должны потрудиться совместно, чтобы решить простую вроде бы проблему — как запасти воздух для рисовых корней.

Поднимемся выше по стеблю. Вот длинные листья-ленты. У них тоже своя противоречивая жизнь. Само растение любит воду, но листья приспособились расти так быстро, что никогда полностью в воду не погружаются. Они как бы убегают от воды, которая ускоряет их рост.

Человек еще не может управлять солнечным светом, вызывать ливни и дожди по заказу, пригонять тучи, заставлять дуть ветры. Лишь в очень слабой степени земледелец вмешивается в жизнь пшеницы, ячменя, кукурузы, гречихи. Другое дело рис. Умело маневрируя водой, можно многое сделать с этим растением.

Представьте себе такую картину. Жаркое лето, давно нет дождей, изнывает от зноя пшеничное поле. И вдруг заработали сверхмощные вентиляторы. Они разнесли над полями струи холодного, искусственно охлажденного воздуха. Прохлада приободрила пшеницу, заставила ее лучше расти. Вентиляторы над полями? Никто никогда не будет делать такого. Никчемная затея. Нельзя искусственно охладить миллионы гектаров посевов. Да, для пшеницы и ржи это невозможно. А для риса — другое дело. Если рисовод видит, что его подопечным растениям жарковато, он открывает понемногу затворы плотин, и свежая, холодная вода не спеша сменяет теплую и перегретую. Растения получают желаемую прохладу.

А теперь представим нечто совсем другое. Холодно пшеничному полю. Страдает оно от поздних заморозков, от холодных туманов. Как согреть его, как утеплить? Невозможно. Никакие печи не отопят землю, никакие теплые покрывала не протянуть вширь и вдаль на километры. А для риса покрывало всегда готово. Это слой воды. Сделать его чуть помельче, потоньше, солнце лучше прогреет воду, и та сохранит тепло. Все химические процессы, что идут внутри растения, зависят от температуры слоя воды, заливающей поле риса. Значит, мы можем активно вмешиваться в эти химические процессы. Пока что такое воздействие и в таких масштабах возможно, только если имеешь дело с рисом.

Все рисовое поле работает как огромный химический завод. Рис охотно растет на земле, сильно засоленной, непригодной для других растений. Эту соль из почвы рис уносит, отдает воде, тратит на постройку собственного тела. За год он уносит с каждого гектара сто двадцать тонн соли. Подумать только, двадцать четыре грузовика соли с каждого гектара! Почва, освобожденная от соленого груза, становится особо плодородной. Рис — этот естественный химический завод — заботливо готовит почву для других культурных растений, приумножая плодородие земли.

А настанет время уборки урожая — и на помощь рисоводам придут настоящие химические заводы. Дело в том, что рис, буквально пропитанный водой, трудно убирать комбайнами. И тогда в воздух вновь поднимутся самолеты сельскохозяйственной авиации. Они опустят на влажные рисовые растения покрывало, сотканное из мельчайших капелек вещества, которое заставляет растение быстро подсыхать прямо на корню. Пройдет пять-семь дней, и рис хорошенько подсушится. Комбайнам будет удобно иметь с ним дело.

Теперь вы сами можете рассудить, сколь многообразны и сложны заботы рисоводов. Но полновесный урожай сторицей оплачивает труды. Поэтому мы будем все больше сеять риса в Краснодарском крае и Казахстане, под Астраханью и в Узбекистане, в Приморском крае и Ростовской области и каждый год собирать два миллиона тонн жемчужных зерен. Два миллиона тонн жемчуга, который растет в поле.

Б. ВАСИЛЬЕВ

Неузнаваемо изменился облик Якутии — самой северной нашей автономной республики. Оймякон, Верхоянск, Тикси — раньше названия этих мест в первую очередь всплывали при упоминании далекого сурового края. Нет, и сегодня зима в Якутии не стала мягче, только все чаще и чаще с гордостью произносим мы другие имена: Мирный, Алдан, Вилюйск.

И встают перед глазами буровые вышки нефтеразведчиков, плотины электростанций, новые кварталы городов и поселков, поднявшихся на вечной мерзлоте.

Посудите сами, только за последнее пятилетие в Якутской АССР введено в действие более 200 предприятий, в два раза вырос объем промышленного производства. Теперь это край алмазов и золота, каменного угля и газа, олова и нефти.

На тысячи километров раскинулась якутская земля. Необозримы ее просторы. Все больше и больше продукции сельского хозяйства получают труженики полей и ферм.

Сегодня наш рассказ об оленеводах. Да, как и прежде, олени занимают значительное место в жизни якутов, но растут в республике колхозные стада коров и овец, все щедрее урожаи пшеницы, картофеля и помидоров, которые выращивают земледельцы за короткое жаркое лето.

Такова сегодняшняя Якутия — край, обновленный мужественным трудом советских людей.

В СИЯЮЩЕМ СВЕТЕ

Стада нигде не было. Меж редких лиственниц лежал потревоженный множеством копыт снег и стояла юрта. Оленьи шкуры облегали ее плотно, лоснясь, почти как на живых оленях. В вечернем свете невозможно было разглядеть, где же соединялись шкуры: может, это был всего один олень — такой огромный, что его единственной шкуры хватило на всю юрту... Такой мог бы тащить все наши шесть нарт, и ему было бы легко.

За юртой лежали горы. Не стояли и не возвышались, потому что были небольшие и совсем рядом, рукой подать; они приникли к земле — такие же белые, как земля. Стадо в той стороне могло находиться, но я заметил, что Володю не беспокоило, где же оно. «Значит, все как надо. Правильно», — решил я.

Вывалившись из нарт, я попробовал идти, но тут же присел от боли в ногах.

— Побегай, — посоветовал Володя.

Целый день мы ехали. С утра я еще с надеждой глядел вперед: не хотелось пропустить радости первым увидеть стадо. Но проходили часы, мы останавливались или бежали рядом с нартами, жалея оленей или себя — замерзших, снова падали в нарты, потому что только так, падая с отчаянием, можно было точно поймать их бег, — и времени не стало для нас. Олени бежали, все так же подбрасывая снег. Казалось, это не новый снег взлетал и опадал от каждого шага, а висит все тот же, подброшенный копытами еще утром

при первом шаге. Только на поворотах тело будила мгновенная острая тревога — не вылететь бы! Не заметят, уйдут вперед, потом, конечно, вернутся, станут искать и, если не будешь вести себя совсем уж глупо, найдут. Но этого только не хватало!

— Сегодня уж не пойдем к стаду? — спросил я. — Далеко оно?

— Там, — махнул рукой Володя.

Там садилось на сопку солнце.

— Далеко?

— Далеко — недалеко, утром найдем. Сейчас греться будем, молоко пить... Пил оленье?

— Нет.

— Помогай носить!

Мы отвязали ящики с солью и потащили их к боку юрты. Сюда же поставили ящик с консервами... А этот? Этот лежал в нартах Володи. Потащили его в юрту.

Я думал, в ней никого нет, раз никто не вышел нас встречать, но в самой глубине юрты в теплой темноте сидела старуха и глядела в огонь.

Это была Анна. Не обращая на нас внимания, она встала, подошла к ящику и быстро оглядела все, что в нем лежало. Что-то из привезенного, наверно, понравилось ей особенно, потому что ее как подменили: Анна стала вдруг двигаться по юрте ловко и скоро. Огонь ожил. Оказывается, здесь были и дрова. Можно было сидеть и чувствовать, как становится теплей и теплей, и знать, что уже никуда не надо ехать, и без конца глядеть на тени, гоняющиеся друг за другом по прочным шкурам юрты...

Только что делает там Володя? Он вышел, почти не задержавшись, и теперь слышалось, как он на кого-то кричал: «Стой! Стой же, тебе говорят!» Протяжно всхрапнул олень, потом другой... Я вышел узнать, что же происходит.

Володя стоял, крепко прижимая голову оленя к груди. Олень хотел вырваться, вскрикнул и поволок его в сторону.

— Стой! Еще одну... Тебе же... Ну-у! Тебе же лучше...

Правой рукой, пальцами, Володя залез оленю прямо в распахнутые ноздри, вытащил оттуда полгорсти льдышек и, бросив их, отпустил оленя. Тот пошел прыжками от юрты, отфыркиваясь протяжно и довольно, а Володя уже держал другого. Этот не сопротивлялся — может, даже понимал, что ему действительно делают лучше: ночью мороз окрепнет, и, если не почистить ноздри, олень будет дышать ртом — почти наверняка простудится.

Мы быстро справились с последним, и Володя гикнул ему вслед, когда тот бегом уходил в лиственницы. Я огляделся.

Снег еще все так же по-дневному белел, но лес на склонах уже начал темнеть и сливаться с небом. Совсем недавно лиственницы стояли по всем склонам: нигде, казалось, их не меньше и не больше было; сейчас же лес сбегал с гор темными ручьями, стекаясь в седловинах. Над нами не было уже светящейся голубизны, но не было еще и звезд — ничего ясного, кроме удивительно четких вершин близких лиственниц.

Мы вернулись в юрту.

Пахло мясом, молоко уже стояло, разлитое в чашки, и, усевшись на шкуры возле огня, мы приступили к тому, что везде называется ужином, просто едой, здесь же, я знал, это будет долгим отдыхом после целого дня и непременной беседой, и есть надо, не торопясь, долго есть, рассказывая о том, что ты именно вплоть до этого вечера узнал о жизни и что ты успел увидеть в ней. Плохо, если узнал мало, — никто не осудит тебя за это, но все будут огорчены.

— Вкусно... Прямо очень.

Анна опять долила мне молока.

— Вкусней коровьего? — спросил Володя.

— Да.

— А еще какое ты пил?

— Верблюжье пил, кобылье...

— Какое самое вкусное?

— Оленье.

Если бы меня в Каракумах спросили то же самое, я бы сказал — верблюжье. Не думаю, чтобы это было лестью хозяевам. Это было бы тоже правдой.

— Что, если бы я в Москву приехал на оленях?

Володя говорил серьезно, и так же надо было отвечать. Но я не знал, что бы произошло в Москве.

— Там на улицах мало снегу.

— Но ведь есть?

— Есть. Только... А что б было, если ты в Якутск приехал?

— Смотрели бы, — твердо решил Володя.

— В Москве тоже.

Володе только что исполнилось шестнадцать лет, а он уже два года жил в стаде. Это его ездовые олени понимали, как он говорил, два «человечьих слова» — «пошел» и «стой». Мне очень хотелось, чтобы Володя проехал по Москве на оленях. Ей-богу, тогда, в юрте, мне совсем не казалось это странным. А может, так оно и есть? Что тут странного? Едет себе человек на оленях — и все! Я сидел и видел, как он едет, такой взрослый, совсем невозмутимый...

И тут Анна запела.

Она не подняла голову, как обычно делают певцы, просто так же глядела в огонь и пела, долго и чуть хрипло.

— О чем она? — спросил я.

— Обо всем... Об оленях. Если бы у них было много-много ног, мы бы давно с тобой приехали и сидели в юрте, здесь... А если бы тебя вез ее сын, то ты даже не заметил бы дороги.

Володя остановился. Наверное, больше и не надо было переводить: то, что он сказал, Анна могла петь весь вечер.

В прошлом году она так же жила в стаде, потому что здесь без женщины нельзя, да и она привыкла жить рядом с оленями. Пастухи тогда приехали сменяться, сказали, что сын ее прислал из города письмо: приезжает на несколько дней к ней в гости. Но в тот вечер, когда они приехали, началась пурга. Вспоминали, что тогда в несколько дней все так замело, что пастухи потеряли часть стада и потом долго не могли найти. В первый же день пурги нельзя было даже думать о том, чтобы ехать в поселок. Даже ездовые олени, на которых приехали пастухи, не отходили от юрты. И все-таки утром, когда проснулись, увидели, что Анны нет. Пурга все так же мела. Искать ее не имело смысла, поглядели только, каких оленей она взяла, и стали ждать.

В хорошую погоду самые лучшие олени могут пробежать с нартами километров двести в сутки. Это был весь ее путь до поселка. Анна ехала трое суток.

Об этом можно было петь долго.

Она умолкла только тогда, когда Володя стал расспрашивать меня, где я был у них в Якутии и что видел.

— И золото? — спросил он.

— Да, целый таз... большой эмалированный таз.

Володя удивился, но это была правда. Он перевел мои слова Анне и тоже показал, как я, руками, какой это был таз. Теперь я обязан был рассказать, как это произошло. Я рассказал, как долго ехал по реке, как попал на прииск и как через неделю, перед самым отъездом, попал в маленький новый домик, куда сносили все золото прииска. Вертолет утром забрал все добытое до вчерашнего дня, а это были остатки. И золотая пыль, и самородки — все лежало в этом тазу... Я думал, оно красивое. Так до этого мгновения я и думал: оно не может быть некрасивым. Я взял один слиток в руки и не почувствовал ничего, кроме тяжести.

— Ваши алмазы лучше... И олени. Алмазы я видел далеко от Якутии, уже на фабрике. Но якутские, ваши.

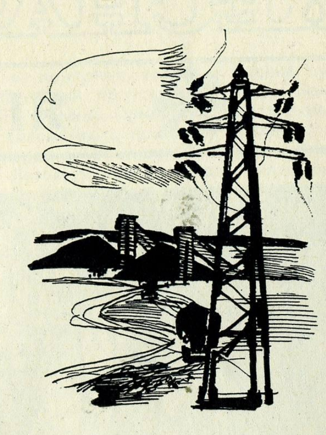
Как умел, я рассказал, что был удивлен. Такие камни не могли лежать в земле сами по себе. Казалось, кто-то живой очень давно сделал их своими руками. Сделал много и потерял здесь, в Якутии, в ее мерзлой земле. Потом все забылось, прошло немыслимое количество лет, и вот их нашли люди...

Мы легли поздно. За стенкой юрты вздыхали олени. Один, совсем уж ночью, старался открыть мордой ящик с солью, и Володя прогнал его, что-то прокричав ему на своем языке. Олень убежал с топотом и вздохами. Все тише, тише...

Может, это приснилось мне: вздохи, топот?

Мы ехали с Володей верхом в поисках стада. Стояло утро. Следы стада вели нас все дальше и дальше, хотя Володя был уверен, что стадо где-то недалеко.

Один раз он спешился. Мы стояли в глубокой лощине.

— Что там? — спросил я Володю, видя, что он наклонился к самому снегу.

— Волки... Гляди.

Я присел рядом.

— Туда пошли, — показал Володя. — Через распадок. Бо́льшой повел их... Видишь, какие следы, проваливался. А это молодые или, может, тощие, голодные... Нет, молодые.

— Сколько их?

— Трое. Вечером шли. Вчера...

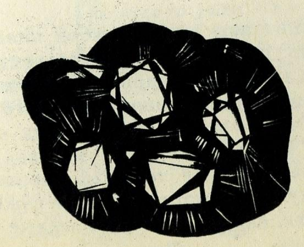
Мы отправились дальше. Ехали в ярком солнечном дне. Хорошо было. И оленей увидели неожиданно. Занесенный снегом ручей круто повернул, мы тоже — и увидели их... Тысячи оленей в сияющем свете легко и весело уходили от нас. Текла живая река, неся над снегом и над собой ветви рогов. Они едва покачивались — так бережно несли их олени.

— Давай, давай! — весело крикнул Володя. — Направо иди! А я туда... О-о-о-о!.. — закричал он.

И тоже потонул в сияющем свете.

Ю. СТЕПАНОВ

Фото В. Опалина

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ЯНВАРЬ

Спит под теплой шубой январский лес. Глубок снег. Порой и не отличишь, где засыпанная метелями елочка, а где просто высокий сугроб. Деревья стоят разнаряженные узорчатым инеем, словно Дед Мороз перенес на них свои рисунки с оконного стекла.

Но и в это студеное время кипит в лесу жизнь. О ней расскажут следы. Здесь под кустом ночевал заяц. На полянке, окруженной березами, ныряли в снег тетерева. Приходил к солонцу красавец лось. И так до следующей метели. Она зачеркнет все следы, перепутает звериные тропинки, спрячет ото всех лесные тайны. И снова станет тихо и пусто в лесу.

Отлетают пуночки — полярные воробьи. Родина пуночек — Заполярье: Кольский полуостров, Новая Земля, побережье Ледовитого океана. Прилетают они к нам на зимовку с первыми холодами, а покидают раньше, чем загремят ручьи. В оперении их спинки и брюшка преобладают белые тона. Летом у пуночки стол «мясной» — из насекомых; зимой эта птичка — вегетарианка: питается семенами сорняков. Любит также копаться по дорогам в конском помете, отчего и называют ее иногда «снежным подорожником».

Неожиданно на рябину около деревни прилетели снегири. Да, да, только вчера прилетели вестники зимы, хотя зима давно уже наступила. В чем же дело, почему в этом году снегири так запоздали? Осенью повсюду был отменный урожай рябины. И снегирям ее вполне хватило до самого января. Потом рябина кончилась, и красногрудые красавцы отправились наконец в свое зимнее путешествие. Снегири негромко посвистывают «фьи-фьи» и не спеша собирают рябину. Когда рябина кончится и здесь, они полетят дальше, а с первым весенним солнцем вернутся в свои родные глухие леса, где снова выведут птенцов.

Утром деревню разбудил лай собак, громкий, неистовый. От скотного двора понеслись они за кем-то по заснеженному полю. Кто бы это мог быть? Оказывается, ночью в деревню заглянула лиса. Она обошла дворы и улеглась спать в стогу сена около скотного двора. Вырыла неглубокую нору и спокойно там переночевала. А утром собаки отыскали по следу лисью нору в стогу сена и погнались за непрошеным гостем.

Но разве собакам догнать быструю лису по глубокому снегу?

На говорливой речке, подле живой воды, любо сейчас наблюдать за оляпкой — пернатым водолазом. Нырнет оляпка в струю, пробежит по каменистому дну — и выскочит суха и невредима. А в клюве, глядишь, иль сонный жук, иль — пуще того — маленькая плотвичка. Так возле воды и пробавляется. В воде оляпка подгоняет свой бег крылышками; короткий хвост, как руль, помогает мгновенному повороту. Темная окраска пера сливает оляпку с живой водой.

Очень заметны в лесу клесты. Ростом со скворца, старые петушки розовые, а самочки серовато-оливковые. В среднерусских лесах обычно встречаются клесты-еловики, в северных — сосновики.

Крючковатым клювом клест легко вытаскивает из еловых шишек смолистые семена. Когда в январе трещат морозы и гудит метелица, клесты принимаются выводить птенцов. Ведь в глубоком гнезде и в лютые холода тепло, а корма — вот они, еловые семена в шишках. В годы, урожайные на еловые шишки, клесты всегда зимой обзаводятся потомством.

Прошлой зимой в нашем лесу был неурожай еловых и сосновых шишек, и белки куда-то ушли. Но к этой осени на еловых ветвях тяжело повисли смолистые большие шишки. Первыми их отыскали клесты.

Они шелушили еловые шишки и не столько съедали семена, сколько роняли шишки на землю. Шишки ▸

заносило снегом, на него падали новые шишки, оброненные клестами, и теперь, если покопаться в сугробе, можно найти настоящие склады.

Клесты живут в нашем лесу и сейчас и пока, видимо, не собираются никуда улетать. Совсем недавно к клестам присоединились белки.

Серые пушистые зверьки ловко прыгают с ветки на ветку, спускаются вниз по стволу, подбирают оброненные клестом шишки и тут же принимаются их аккуратно разделывать.

Там, где белка завтракала, от шишки остаются лишь коротко подстриженный стерженек и кучка еловых чешуек.

Проходит день, другой — и вот уже под елкой, где белка устроила свою столовую, лежит много обстриженных еловых стерженьков и еловых чешуек.

Старые чешуйки и стерженьки уже успели потемнеть, а оставленные только сегодня утром еще светятся золотисто-коричневым светом. Вот так — по цвету чешуек и стерженьков, по инею, который затянул старые чешуйки и стерженьки, — можно точно узнать, когда белка побывала в своей столовой.

Каждая белка живет в лесу на своей собственной территории, и у каждой свои столовые. Таких столовых у нее может быть много.

От одной беличьей столовой к другой по свежему снегу всегда тянутся легкие мягкие следы — две широкие лапки впереди, а две маленькие чуть сзади. Широкие лапки — это задние, а маленькие — передние. Так и прыгает белка по снегу, будто играет в чехарду.

Если клесты успели побросать вниз много шишек, белка чаще, как скажут следопыты, «ходит низом», оставляя на снегу свои следы. А если клестов в лесу не было или они не успели побросать вниз шишки, чаще белка рыскает среди еловых ветвей и там же, наверху, устраивает свои столовые.

О такой беличьей столовой на вершине дерева расскажут уже не аккуратные кучки, сложенные из еловых чешуек, а сами чешуйки, рассыпанные вокруг дерева. И стерженьки будут под деревом лежать в разных местах. Стрижет белка шишку на вершине дерева, летят в разные стороны еловые чешуйки. Останется один стерженек, бросит его белка, поскачет стерженек по еловым ветвям и отлетит в сторону.

Когда стоят не очень сильные морозы и нет густых метелей, белки выбираются из своих гнезд каждое утро в одно и то же время. Придите в лес пораньше, осмотрите все вокруг и не заметите свежих беличьих следов, не отыщете только что оброненных чешуек и стерженьков. Но вот закружилась с вершины чешуйка, потом другая, появился на снегу первый беличий след. Отметьте это время — белки только что выбрались из своих гнезд и принялись за завтрак.

В хорошие, ясные дни белки кормятся два раза в день — утром и после обеда. Днем белки отдыхают в гнездах.

Когда в лесу неурожай еловых и сосновых шишек, белки могут разыскивать корм целый день. Тогда они навещают и березовые рощи, где грызут березовый гриб-нарост, и орешники, где под снегом стараются разыскать опавшие орехи.

В крепкий мороз белка на промысел выходит позже и путешествует по лесу недолго. В густую метель зверек может не выйти из гнезда-гайна совсем.

Так и живет маленький пушистый зверек-путешественник зимой в наших лесах. Там, где много корма, белка остается и на лето, выращивает своих бельчат. К осени бельчата подрастают и вместе с родителями отправляются в дорогу искать себе пропитание на зиму.

Найдите в лесу беличьи следы, внимательно проследите, чем питается сейчас белка, много ли на елях и соснах шишек, много ли встречается беличьих столовых. А если на снегу вместо чешуек и стерженьков вы обнаружите маленькие еловые лапки, то знайте, что в лесу наступил голод. Еловые лапки белка роняет на снег, добираясь до еловых почек. А питается она ими только тогда, когда в лесу неурожай шишек.

Появятся на снегу еловые лапки, станет белка, как скажут следопыты, «стричь елку», поторопитесь устроить в лесу столовые для наших пушистых зверьков. Приносите туда сухие грибы, семечки, орехи, сухари, кусочки сахара. И скоро белки привыкнут к вашим угощениям, привыкнут и к вам.

Вот и весь наш сегодняшний рассказ.

Следопыт

Есть ли у тебя в лесу и в поле настоящие животные друзья? Как ты помогаешь им пережить трудное зимнее время года? Устроил ли ты кормушку для птиц? Если еще не сделал этого, то поторопись — птицам сейчас очень нужна твоя помощь.

Устроить кормушку просто. Можно прямо за окном повесить небольшой лоточек с невысокими бортиками и каждое утро насыпать туда корм.

Большие желтогрудые синицы очень любят семечки. Если ты станешь высыпать на кормушку семечки в одно и то же время, синицы вскоре привыкнут прилетать к началу завтрака.

Угощай синиц и кусочками несоленого сала. Только эти кусочки надо привязывать к кормушке на бечевке, чтобы угощение не растащили воробьи, вороны, галки, сороки.

Если около твоей кормушки собирается много воробьев и синичкам не хватает места, устрой кормушку так, чтобы она чуть покачивалась. На такую кормушку-качели воробьи сесть не отважатся.

Хорошо устроить кормушку в саду, тогда в гости прилетят и снегири, и свиристели, и чечетки, и даже дятлы.

Дятлы, как и синицы, не откажутся поклевать кусочки сала. А снегирей и свиристелей лучше всего угощать ягодами рябины, можжевельника, семенами ясеня и клена. Если на кормушку высыпать еще и коноплю, просо, льняное семя, то меню в птичьей столовой устроит всех птиц, зимующих в наших краях.

Зимой и рыбам подчас бывает трудно. Дело в том, что на многих прудах и озерах случаются так называемые заморы. Когда лед прочно прикрывает воду, рыбам не хватает кислорода. Тут нужна твоя помощь. Но учти, что за такую ответственную работу нельзя браться одному. Один ты не справишься. Собери своих друзей.

Вместе со старшим товарищем выберите место, где надо прорубить проруби, а потом огородите его ветвями деревьев или высокими кольями, чтобы кто-нибудь случайно не провалился в прорубь. Укройте прорубь соломой или еловыми лапами, а сверху насыпьте небольшой рыхлый сугроб. Так вода в проруби долго не замерзнет, и рыбам будет чем дышать.

«Лесная газета» ждет рапортов о вашей работе и рассказов о том, как вы помогаете животным пережить трудное зимнее время года.

Много интересных наблюдений подарит зима. Только смотреть надо внимательно и, самое главное, вовремя записать все в фенологический календарь.

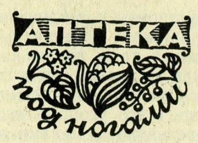
Отметьте в нем:

1. Высоту и плотность снежного покрова.
2. Толщину промерзания почвы, толщину льда на водоемах.
3. Случаи образования морозобойных трещин на стволах деревьев.
4. Начало рассеивания семян из шишек ели.
5. Массовое рассеивание семян ясеня, липы, лиственницы.
6. Появление птенцов у клеста.

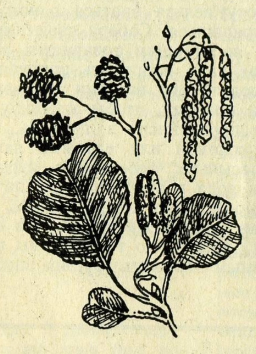
Проверьте также следующие погодные приметы:

1. В зимнее время, даже в морозы, за сутки до наступления оттепели мыши и некоторые жучки выходят из-под лесной подстилки на поверхность снега.
2. За сутки до ненастья лоси и олени без видимых причин совершают кочевки в глубь тайги. За несколько часов до бурана тетерева и куропатки с открытых мест перелетают в чащу.
3. Перед сильным морозом вокруг луны появляются два тусклых красноватых круга.
4. Запели рано петухи в стужу — наступит теплая, умеренная погода.
5. Перед потеплением стекла в окнах домов даже в мороз запотевают.

Свои календари природы присылайте в «Лесную газету». Ждем ваших писем.

Середина зимы. Снег уже давно заволок все стежки и дорожки. Кругом белым-бела целина сугробов. Но на лыжах куда хочешь путь открыт. Вот и сюда, в прирусловую пойму, мы прошли совсем без осложнений. Даже с бугра прокатились, только ветер свистел в ушах.

В ольшанике остановка. Будем собирать лекарственное сырье. Оказывается, и зимой зеленая аптека не закрыта: весь год она дарит людям целебные средства, помогающие избавиться от недугов. Настоящий родник здоровья! Вот и сейчас не оскудел этот родник.

Наша цель — собрать побольше ольховых шишек. Видите, на серых ветках топорщатся маленькие черные шишечки, это они и есть. Правильнее такие шишки называть соплодиями. Собирают их как с серой, так и с черной ольхи. Сейчас эти деревца отличить трудно, а летом они сами подскажут различие: у серой ольхи листья тусклые, невзрачные; у черной они блестящие, клейкие, цветом темно-зеленые. Впрочем, шишечки с обоих видов ольхи можно собирать в одну тару, поэтому различать их в этом случае не приходится. Правда, и зимой черную ольху с серой, подумав, не спутаешь: у серой кора светлее, у черной темнее, да и ростом черная ольха повыше.

Вообще-то, ольха — деревце весьма интересное. Цветет она ранней весной, как только среднесуточная температура достигнет пяти градусов тепла. Листьев, понятно, в такую пору еще нет, и пыльца легко перегоняется ветром с сережек на пестичные колоски. Эти колоски и превращаются затем в шишечки, сперва зеленые, а зимой черные. За их чешуйками спрятаны бурые двукрылые орешки — семена ольхи, которые выпадают из шишечек в конце зимы.

Ольховые шишечки издавна применяют в медицине при простудах и ревматизме. Готовят из них и вяжущий чай — помогает при расстройствах желудка. Шишечки снимают не по одной, а вместе с тонкими ветками, которые срезают сучкорезом — специальными ножницами на длинном шесте. После очистки и переборки ольховые шишечки сушат, но не в печи, а всего лишь в теплом помещении.

Ходят натуралисты в январе и по грибы, только не с корзиной, а с мешком и топором. Ведь гриб, за которым они охотятся, растет на березе и называется — чага. На шляпочные грибы чага, этот твердый, шершавый, по виду черный нарост на стволе березы, непохожа. Березовый гриб сбивают топором и кладут в мешок, дома его рубят на куски и сушат в печи или на чердаках домов. Внутри чага желто-бурого цвета. Конечно, одним собирать можно только низкие наросты, да и то с разрешения лесника.

Чага чудодейственна при язвах, гастритах и злокачественных опухолях, чего не скажешь о трутовиках, которые в сбор не годятся.

Как ни скуп сейчас Берендей, а любознательных да проворных он все же найдет чем порадовать. Например, вот этими черными, с сизоватым налетом ягодами. Растут они на зеленых хвойных пирамидках, на можжевельниках, что ютятся по опушкам и лесным прогалинам.

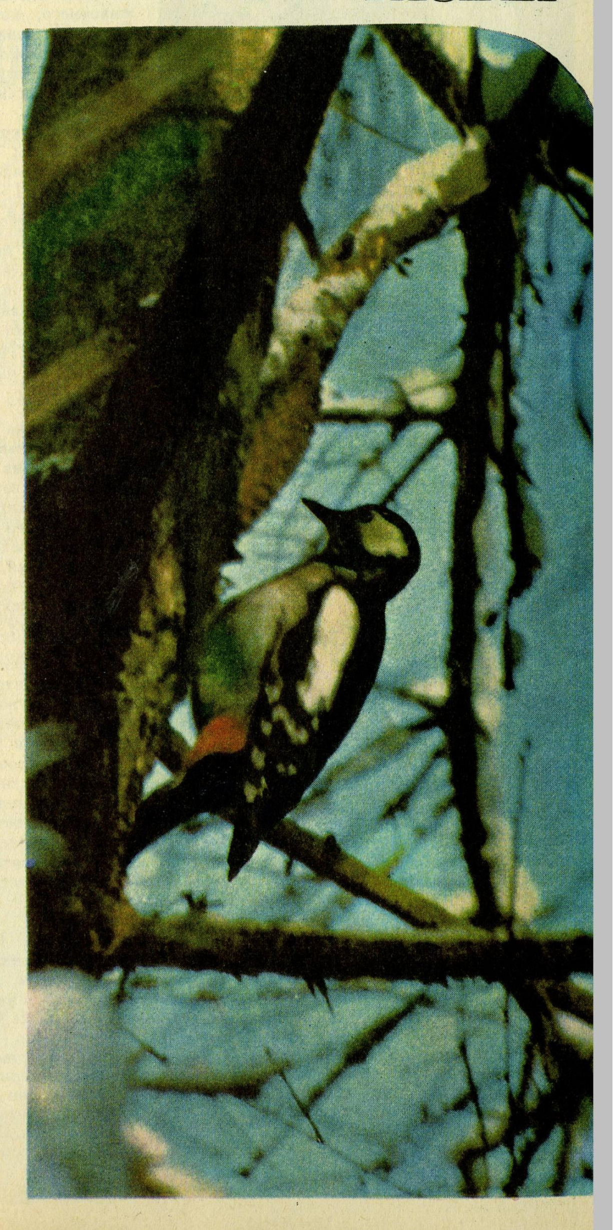
Можжевельник собой неказист: ветки прижаты к стволу — тонкому, в лохмотьях непрочной коры; до маковки — почти рукой достать. Зато и заметен же он в зимнем лесу! Хвоя выдает, ведь она не отпадает вся сразу, отваливаются лишь старые иголки, и то постепенно. Плоды можжевельника называют шишкоягодами. Поспевают они не раньше, как на второй год. Вот почему на одном и том же кустике можжевельника видны зеленые шишкоягоды и черные — сочные, сахаристые, с приятным смолистым привкусом.

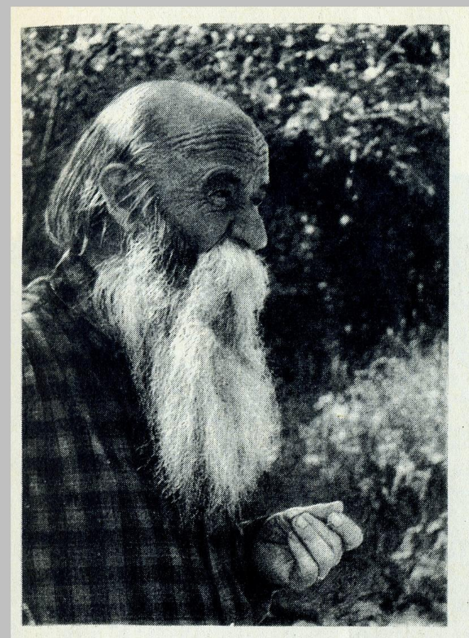
Собирают только черные шишкоягоды. Для этого по стволу можжевельника легонько постукивают палкой. Спелые ягоды упадут, а зеленые останутся дозревать. Дома этот дар Берендея сушат в помещении. Сухие плоды остаются такими же черными, с сизым налетом, какими они были и в свежем виде. Только по бокам теперь появились морщины и вмятины. На вершине шишкоягоды по-прежнему заметна трехлучевая звезда — след от срастания трех чешуй, из которых она и состоит.

Можжевеловые ягоды съедобны, вызывают аппетит и помогают пищеварению. Любят поесть этих черных ароматных плодов и наши пернатые друзья. Можжевельник — излюбленная пища щура. Оттого-то он частенько и бывает разукрашен этими птицами. Малиново-красное оперение таежных гостей кажется особенно ярким на блеклом фоне подлеска. Шишкоягоды щур заглатывает целиком, с кожицей и мякотью. При небольшом урожае шишкоягод и в лесах, где можжевельник редок, ягодные походы к нему лучше не делать. Пусть побольше достанется птицам — крылатым защитникам природы.

Интересно: можжевельник может дожить до такого преклонного возраста, что порой оказывается самым почтенным старожилом леса. Были случаи, когда этот «северный кипарис» доживал до 2000 лет. Растет этот кустарник очень туго, поэтому и нуждается в особо бережном отношении.

ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК

Петру Петровичу Смолину исполняется 75 лет, и большую часть из прожитых лет он отдал юным натуралистам, мальчикам и девочкам, которые любят природу.

Был я как-то с Петром Петровичем и с большой группой московских школьников в походе. Шли по шоссе, разговаривали о растениях, о птицах, встречавшихся нам, потом свернули в лес, и тут, взяв в руки стебель травы, заговорил Петр Петрович. И словно раздвинулся горизонт, шире стали лесные поляны, ярче засветило солнце. О простом растении с круглыми листьями, манжетке, говорил Петр Петрович. Видели юннаты не раз это растение, знали о нем столько, сколько надо знать ученику средней школы, но сколько нового рассказал о манжетке Петр Петрович! Потом увидели на дереве зяблика. Известная птица, видели и слышали ее юннаты не раз и в парках, и в лесах, казалось бы, уже все о зяблике знали, ан нет, то, что рассказывал Петр Петрович, было все новое, все интересное, даже я, орнитолог по профессии, знающий эту птицу как никто другой, и то заслушался.

Добрым лесным волшебником называют Петра Петровича все, кому выпадает счастье бывать на экскурсиях с ним. Он знает все: от бактерий и водорослей до лесных гигантов-деревьев, от крошечных насекомых до тигров, лосей, слонов и китов. Не найдется во всем мире растения или животного, которое бы не было известно Петру Петровичу и которого бы он не назвал не только по его научному имени, но и тут же, не заглядывая в книги и справочники, не рассказал бы о нем все.

Несколько десятков лет подряд Петр Петрович руководит на общественных началах кружком юных биологов-натуралистов при Всероссийском обществе охраны природы. ВООП — таково официальное название кружка, а всех юннатов, которые работают в кружке, называют ласково по первым буквам имени Петра Петровича пэпээсовцами, а самого его — Пэпээсом. В этом кружке получили свои первые знания о природе ныне известные ученые-биологи, ботаники и зоологи, работающие во всех уголках нашей огромной страны.

В кружок приходят учащиеся московских школ. Здесь они учатся познавать тайны природы, потом, повзрослев, уходят в институты, на их места приходят новые пытливые юные натуралисты. И всем им из года в год, из месяца в месяц, почти ежедневно уделяет свое внимание, отдает свои поистине бескрайние знания добрый волшебник Петр Петрович Смолин. Два или три раза в неделю собираются члены кружка на занятия, по субботам и воскресеньям выезжают в природу, за город. Участником всех этих экскурсий в любое время года, в любую погоду обязательно бывает и Петр Петрович.

Петр Петрович Смолин стоял у самых истоков юннатского движения, был организатором кружка юных натуралистов Московского зоопарка и директором школы при биостанции в Сокольниках.

Петр Петрович был одним из организаторов проведения в Советском Союзе весеннего праздника, Дня птиц. Впервые в нашей стране этот праздник был проведен под руководством П. П. Смолина и Б. В. Всехсвятского в 1918 году, с тех пор весенний светлый праздник проводится ежегодно.

Будете в Москве — придите на занятие кружка ВООП, и вы увидите настоящего лесного волшебника, делающего всю жизнь добро людям, услышите новое о природе и ее тайнах, поймете, почему поручение Петра Петровича не выполнить нельзя. Вы поймете, какими бывают люди, выполняющие великие заветы В. И. Ленина по охране и изучению природы, по воспитанию людей в духе любви к родной природе. Таков Петр Петрович Смолин — заслуженный деятель культуры РСФСР, Почетный член Всероссийского общества охраны природы.

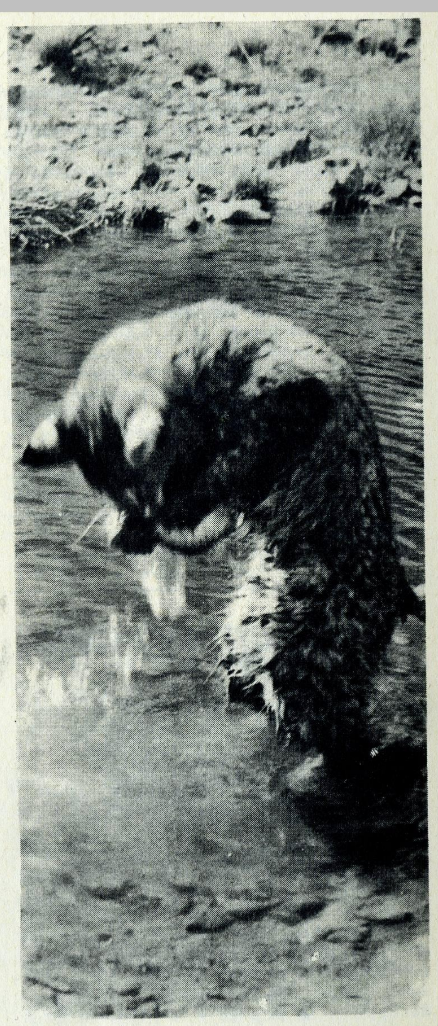
В. СТРОКОВ

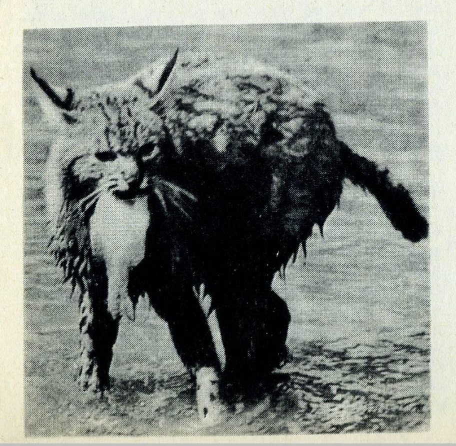
ЧЕТВЕРОНОГИЕ РЫБОЛОВЫ

Почти весь год над безлесной голой тундрой висит хмурое небо. Нудный дождик сменяется снегом, и он ложится на вершины сопок белыми шапками. Неласковая природа Аляски оживает, лишь когда выглядывает солнышко. Под его теплыми лучами тундра расцвечивается яркими красками цветов. Вверх по рекам Аляски идет на нерест лосось. Вот в это-то время и открывается охотничий сезон для четвероногих лохматых рыболовов. Огромные медведи гризли спускаются с гор, чтобы полакомиться жирным лососем. На рыбную ловлю выходят целыми семьями.

Оказывается, в медвежьем обществе соблюдается строгая субординация. Лучшее место для ловли выбирают ветераны. Причем у каждого из них свой определенный участок. Обычно они подстерегают добычу у порога, где лосось, пробиваясь вверх, выскакивает из воды в воздух. Но «старики» иногда вторгаются и на территорию молодых медведей, которые ловят где поглубже. Разбежится лохматый «дед», нырнет и через минуту выплывает с рыбиной в зубах — на зависть молодежи! Редко случается, чтобы он промахнулся.

Хоть и ловок медведь, но поймать верткого, скользкого лосося удается далеко не каждому. Подолгу стоят молодые медведи в ледяной воде — взъерошенные, голодные, с поднятой правой лапой. Удар! Промахнулся! Иной медведь приходит в такую ярость, что начинает колотить по воде лапой — одни брызги летят!

Бывает и так. Более ловкий схватит рыбину и спешит уединиться, чтобы одному полакомиться лососем. Но его лохматый брат не зевает. Ведь каждому хочется урвать кусок добычи. Догонит своего «приятеля», и начинается отчаянная потасовка. Поднявшись на дыбы, злобно рыча, медведи тузят друг друга. А в это время добычу подхватывает третий или никогда не дремлющая чайка.

Ранним утром выходит на охоту медведица с медвежатами. Малыши остаются на

берегу, а мать входит в воду. Растопырив когти, она с размаху бьет рыбу лапой. И тотчас подхватывает оглушенного лосося зубами. А проказники-малыши готовы драться даже из-за плавника. Территория, где охотится медведица с медвежатами, считается священной. Ни медведи-холостяки, ни даже старики ветераны не могут ловить здесь рыбу.

Кто не знает, как любят лакомиться рыбой кошки! Но вряд ли кто слышал, что есть среди них прекрасные рыболовы. Американские рыжие рыси, или бобкэт, которых вы видите на фотографиях, живут в Неваде у доктора Джима Йокума. Он приручил их совсем маленькими, всего неделя от роду. Рысята росли на свободе. Они охотно гуляли по берегу моря, играли с охотничьими собаками, прекрасно плавали и ныряли. Но больше всего они любили ловить рыбу. Первое время доставали только оглушенную, а потом ныряли на глубину за свежей форелью.

Однажды одна из рысей «нахлебалась» соленой морской воды. Но даже сделав открытие, что вода очень невкусная, не побоялась вновь броситься в морские волны.

А еще один рыболов — енот-полоскун. Как только наступает темнота, этот прожорливый зверек отправляется на мелководье. Он опускает в воду свои передние лапы с пятью подвижными пальцами и начинает рыбачить. Что бы ни попалось еноту «под руку», он обязательно повертит в лапах, тщательно пощупает, потрет, пополощет, опустит в воду и снова поймает. За странную повадку «мыть» в воде пищу и всякие несъедобные предметы и прозвали енота полоскуном.

Как-то одному еноту дали печенье. Он и его стал «полоскать» и очень удивился, что печенье растаяло. Бывает, в неволе некоторые еноты даже своих новорожденных малышей «моют», и так старательно, что, случается, те погибают.

И. ВРОНСКАЯ

СЫНОВНЯЯ

ВЕРНОСТЬ

Медвежонок был суетлив и неловок. Об этом ему часто напоминала мать. Она награждала кургузого длиннолапого детеныша затрещинами, когда тот пытался взобраться на дерево или слишком долго задерживался у мышиной норы.

Плотно убитая звериная тропа, нырнув в зонты шеломайника, пересекалась каменистой речушкой. Медведица, войдя в воду, потопталась, выщупывая дно, и, убедившись в надежности места, поднялась во весь рост. Вытянув вперед лапу и опустив голову, она уставилась вниз, вглядываясь в быстрые прозрачные струи. Удар — и в воздухе сверкнул голец. Перевернувшись, он упал на берег. Еще взмах — другой улегся рядом.

...Когда вволю насытились, медведица подняла голову, повела ею влево, вправо, давая знать, что пора в путь. Медвежонку после плотного завтрака хотелось подремать, у него закрывались глаза. Бурча и сопя, он лениво побрел следом через речку. На середине, ради баловства, поднялся на задние лапы, а передними, как мать, шлеп-шлеп по воде!..

Игру прервал рев медведицы.

Малыш испуганно выпрыгнул на берег и, крадучись, стал приближаться к зарослям, где она скрылась. Шагнет и вздернет голову, потянет носом воздух. Еще шагнет...

Что такое!! Мать дралась с каким-то прицепившимся к ее лапе существом — маленьким, похожим на изогнутый сучок. А у «сучка» хвост длинный и тонкий, как засохшая морская водоросль...

Но медведица-то знала, что такое капкан: две стальные полоски, стянутые пружиной, крепко держали ее переднюю лапу, а «хвостом» была цепь, закрепленная на молодой лиственнице. В бешенстве она кидалась на росшие рядом деревца, ломала их, корежила. Угомонилась лишь к ночи. Лежа на животе, рыча и озираясь, лизала схваченную капканом лапу. Медвежонок устроился рядом.

Спали вполглаза. А с рассветом снова началась борьба.

Солнце распалялось. Лес звенел. На поляне стригли кузнечики. Пряно пахло перезревшей жимолостью.

Медвежонку уже давно хотелось есть. Он сердито урчал, но в глазах не злоба, а грусть: малыш все же был не столь сердит, сколько голоден. Покрутив возле матери, которая сама стала беспомощной, он понял, что ждать нечего. Как же достать пищу, куда пойти!! Оглядываясь, потрусил к речке.

...В бегучем зеркале отражались деревья. На дне показалась темно-голубая вытянутая тень. Голец! Медвежонок размахнулся и что есть силы хватил по воде. Окатил себя каскадом брызг, отшиб лапу — и только.

Отряхнулся, поурчал и перешел на то место, где вчера рыбачила мать. Примостился на двух камнях. Вода текла между ними узким потоком. Рыбины вместе со струями перекатывались в омут.

Медвежонок долго прилаживался, прицеливался, поднимал то одну, то другую лапу. Наконец изловчился и хлопнул.

Ага, первая удача!.. Перед глазами вместе с брызгами взметнулось серебристое веретено, шлепнуло больно по глазам и выскользнуло обратно в воду. Рыболов сгоряча нырнул следом за ушедшей добычей. Но где же лосося догнать: река — это тебе не лес!

Нахлебавшись воды, с трудом выбрался на берег. Визжа от досады, моргая, принялся снова устраиваться на камнях.

Рыбины шли и шли под самым носом. Но теперь он не торопился. И когда размахнулся, то удар пришелся прямо в цель — в когтях трепетал голец.

Медвежонок не швырнул добычу на берег через плечо, как делала мать, а, крепко зажав ее лапами, поковылял туда сам. Лосось не мал, но с голоду медвежонок так навалился, что и косточек не осталось.

Покачиваясь от сытости, косолапый медленно направился к матери. Прижался к ней, заполз под голову...

Медведица обнюхала мордочку сына, аппетитно пахнувшую свежей рыбой, и тщательно облизала ее. Так они пролежали несколько часов.

Выспавшись, медвежонок снова вспомнил о еде. Встал, потянулся и деловито потрусил к берегу.

Теперь он уже знал, как надо рыбачить. Поймал даже верткого хариуса.

А аппетит почему-то пропал. Впрочем, понятно почему: он привык есть вместе с матерью — у одного куста, в одном логове. Без матери тоскливо.

Следующую рыбину медвежонок ухватил за хвост и, пятясь, поволок ее...

Когда изголодавшаяся медведица увидела сына с уловом, она вскочила и начала рваться навстречу, едва малыш приблизился, выхватила у него лосося. Дважды раскрыла пасть — и рыбы как не бывало!

Медвежонок покосил глазами, не желая выдавать недовольство, поскулил и опять покосолапил на речку. Несколько раз бегал и приносил лососей. Это уже казалось ему занимательной игрой.

Медвежонок твердо уяснил новую обязанность — кормить плененную мать. Теперь он уже не делал над водой бестолковых движений, а бил наверняка, выкидывая рыбу одним взмахом.

Хозяин капкана, старый охотник из села Милькова, застал медвежонка за работой — тот тащил прикованной матери большого лосося.

Старик от удивления снял шапку. Медведи — умные, но такого не слыхивал. Встав с подветренной стороны, он следил за зверенышем, пыхтевшим над своей ношей. Потом перевел взгляд на медведицу, сидевшую по-собачьи на задних лапах в ожидании кормильца.

«Ай да молодчина, косолапый!» — вроде бы прошептал про себя охотник. А вышло на весь лес:

— Молодчина!

Медведица взвилась. Одновременно затрещала лиственница: рывок оказался столь сильным, что надгрызенное дерево не выдержало — переломилось, и цепь соскользнула со ствола.

Медведица, волоча капкан, огромными скачками уходила в лес.

А медвежонок!.. Крутнулся юлой — и, смешно подбрасывая зад, вдогонку.

Вслед подгоняло гулкое, оторвавшееся от гор эхо:

— Молодчи-и-и-на!.. и-на!..

А. ХАРИТАНОВСКИЙ

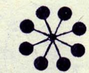
«ПРИШЛА ЗИМА». Фото И. Константинова

Зима есть зима. У многих лесных обитателей одна забота: где найти побольше корма. Вот и сохатые пришли поближе к человеческому жилью. Вдруг что-нибудь разыщешь? Редко обманываются лоси. Знают, что егеря угостят их и осиновыми ветками, и куском каменной соли.

Не беда, что этого лося опередила домашняя коза, они друг другу не помеха, а соли вполне на двоих хватит. Видимо, не в первый раз встречаются они у солонца, оттого никаких ссор не происходит.

А такая картина совсем необычна: не каждому посчастливится увидеть высокогорных великанов — яков — среди бронзовых сосен. Но и в средней полосе они чувствуют себя неплохо. Что им зима! С такой теплой шубой никакой мороз не страшен. Знакомой тропой направляются яки к своей «столовой».

СОБОЛЬИМ СЛЕДОМ

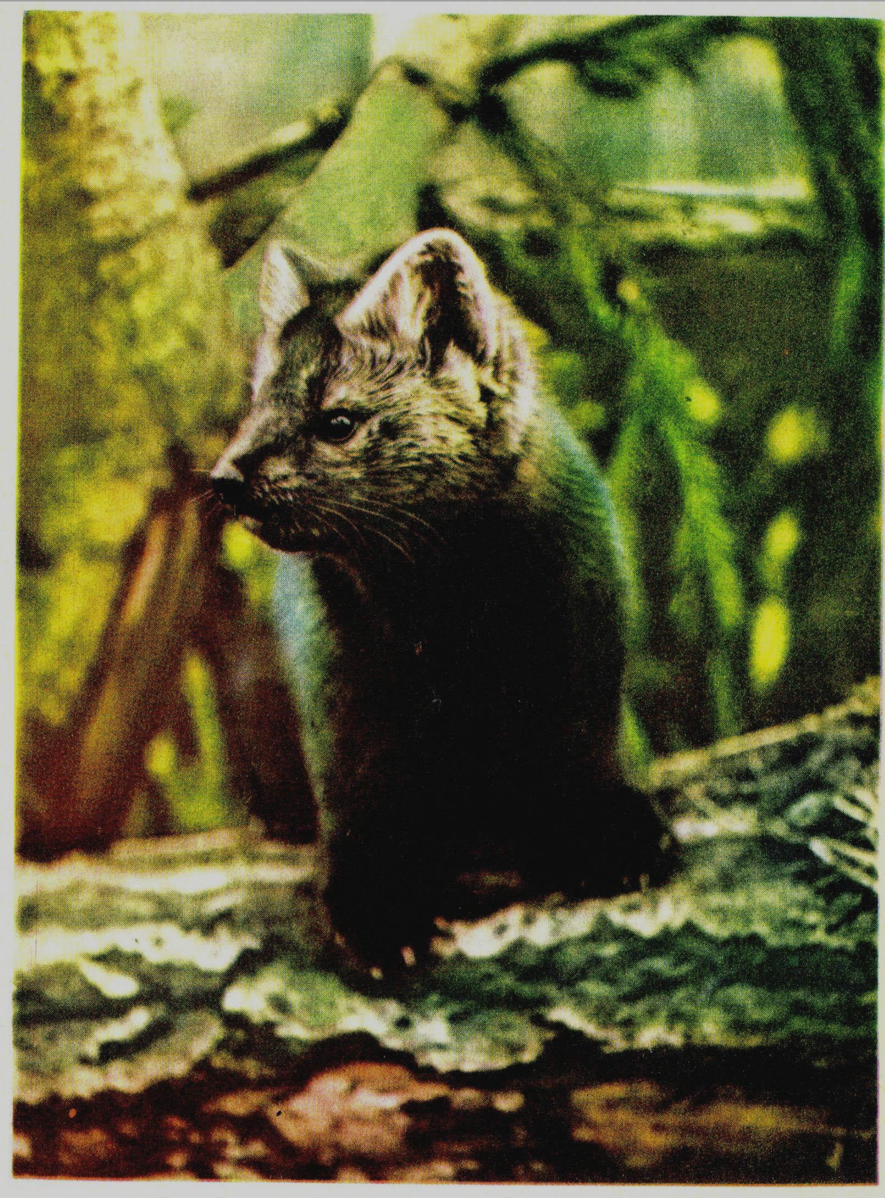

Фото Н. Немнонова

Сибирская тайга славится обилием пушных зверей. Самый лучший, самый ценный среди них соболь, недаром его называют «жемчужиной тайги». Лет 50 назад этих пушистых зверьков в Сибири оставалось совсем мало, и одно время всякая охота на них была запрещена. Сейчас соболь — один из самых обычных и многочисленных таежных обитателей. В 1965 году только в Красноярском крае было добыто более 60 тысяч соболей.

Этот зверек — ловкий и смелый хищник. Сибирские охотники и даже некоторые зоологи считают, что он уничтожает много белок и боровой дичи, хотя не все ученые с этим согласны.

Охота на соболя требует большого умения и порою бывает очень трудна. Многое зависит не только от опыта охотника, но и от его четвероногого помощника — лайки.

В рассказе, который вы сейчас прочитаете, описываются охота на соболя и некоторые повадки этого замечательного зверька.

Зима в тайге обычно начинается сразу, без особых раздумий, без хлипких оттепелей и унылых дождей. Когда ложатся на тайгу большие снега, она смиренно затихает, словно зная, что зима опять будет долгой и суровой. Не шумят ели и кедры, не противятся, принимая на плечи снежное покрывало, и бережно придерживают его длинными лапчатыми ветвями.

Еще не застывшая до конца быстрая речушка пробирается среди обледенелых и заснеженных камней, бежит мимо маленькой приземистой избушки — охотничьего зимовья. Стены таежного домика сложены из сухих стволов пихты и проконопачены пушистым зеленым мохом. В стене, что глядит на рассвет, прорублено небольшое окошко. Дверь избушки обита снаружи старой лосиной шкурой.

Ноябрь только начался, а светает уже поздно. Мороз под утро усиливается, деревья на вершине ближней сопки густо подергиваются серебряной бахромой изморози. Чуть-чуть наметилась над лесистым хребтом светлая полоска, но ни один звук не нарушил еще таежного молчания.

Перед утром нет сна охотнику. Мороз выстудил за ночь зимовье, зябко спать, да и думы одолевают. Еще вчера он решил идти на Большой хребет искать след Старого Соболя. У охотника с ним давние счеты — в прошлом году два дня гонялся он за этим соболем, однако хитрый зверек ушел в каменные россыпи. Зимой охотник поставил на Большом хребте капканы, но Старый Соболь не польстился на приманку. Соболь и сам был отличным охотником: он ловко умел подстеречь ночующего в снегу рябчика, глухаря и даже зайца, часто ловил пестрых крикливых кедровок и мелких птичек.

В окошке зимовья чуть мелькнул огонек — это охотник чиркнул спичкой, разжигая железную печурку. Из трубы над крышей потянуло запахом горящей бересты, потом звонко защелкали смолистые кедровые щепки. Почуяв дымок, две черно-белые лайки, лежащие под елкой рядом с избушкой, разом зашевелились и, не открывая глаз, еще теснее свернулись в плотные мохнатые клубки.

...В этот же самый час проснулся и Старый Соболь, который ночевал под корнем огромного кедра. Когда-то в этом надежном укрытии жила лесная мышь, но потом она пробралась по сгнившему корню еще глубже и устроила себе отдельный выход наружу. С тех пор Старый Соболь нередко ночевал здесь. Не спеша он выбрался из-под кедра, потянулся, прогибая спину, словно кошка, и отправился в обход своих владений. Широкие, опушенные шелковистым мехом темные лапки оставляли на свежем снегу четкие парные следочки. Цепочка их ровной чередой запетляла по тайге.

Старый Соболь был голоден. Накануне шел снег, и зверек весь день не выходил из своего убежища. Ранний пухлый снег глубоко оседал под зверьком, прыжки его стали короче, вместо двойных отпечатков лап теперь оставались тройные — соболь изменил «походку». Почти сразу же он наткнулся на сбитую с дерева кедровую шишку, но она была почти пуста, в ней оставалось всего несколько орешков.

Старый Соболь хорошо знал, что кедровка оставила в шишке только пустые орешки, и поэтому не стал терять времени. Вскоре он увидел в снегу какие-то совсем свежие неровные лунки, по краям которых были разбросаны клочки зеленого мха. Никаких следов вокруг не оказалось — значит, это работа все тех же кедровок, искавших в снегу закопанные еще осенью семена кедра. Старый Соболь тщательно проверил место, где копались хлопотливые птицы, и нашел больше десятка отменных орешков, которые торопливо разгрыз и проглотил вместе со скорлупками.

Склон хребта был сплошь завален буреломом. Под прикрытыми снегом валежинами образовалось множество укромных местечек, где могли скрываться теперь всевозможные лесные зверьки — юркие землеройки, рыжеватые полевки, толстенькие кургузые пищухи. С удивительным каким-то змеиным проворством Соболь пробирался сквозь завалы и всякий лесной хлам, но на этот раз ему ничего не попалось. Старый Соболь вылез на большой поваленный кедр, отряхнулся и пустился бежать поверху, ловко перескакивая с одной валежины на другую. Он задержался возле сухого пня, наскоро схватил несколько ягодок брусники, и тут же ему подвернулась остроносая бурозубка с бархатистой, почти черной шкуркой.

Бурозубки довольно неприятно пахнут, и хищные звери едят их неохотно. Но с голодухи Старый Соболь проглотил бурозубку всю целиком, и ему еще острее, чем раньше, захотелось настоящей добычи. Он миновал захламленный склон и поднялся на вершину сопки, где рос густой пихтарник. Зимою здесь часто ночевали рябчики, а порою и глухари. Старый Соболь хорошо помнил, как однажды он напал в снегу на огромного черного глухаря. Птица подняла его в воздух, и Старый Соболь чуть не километр летел над тайгой, пока не перегрыз глухарю шею. Он упал в снег вместе с добычей и пообедал на славу.

Но сейчас снег был еще мелкий; рябчики и глухари ночевали на ветках. Неужели придется набивать желудок мерзлыми ягодами рябины? Старый Соболь пересек свежий беличий след и на всякий случай решил проверить, не вернулась ли белка в свое гнездо. Ведь он не раз ловил белок в их зимних гнездах — гайнах.

Забравшись на дерево, Старый Соболь внезапно насторожился — он услышал какой-то шорох. Прислушавшись, понял, что сквозь пихтарник пробирается кабарга. Маленький безрогий олень искал свой обычный зимний корм — древесный лишайник. Кабарга медленно кралась сквозь чащобу, оставляя своими изящными, тонкими ножками глубокие и узкие следы.

Старый Соболь перепрыгнул на ближнюю ель, крадучись опустился чуть пониже и замер, распластавшись на ветке. Ничего не подозревая, кабарожка шла прямо ему навстречу.

Точным коротким прыжком Старый Соболь вмиг оказался на спине у кабарожки и вонзил свои маленькие острые клыки ей в загривок. В ужасе кабарга бросилась вперед. Едва опомнившись, она устремилась в самую гущу пихтарника, чтобы скинуть хищника. Ветки хлестали Старого Соболя, он едва не слетел на землю, но не выпустил свою добычу. Тогда кабарожка упала на землю и начала кататься в снегу, но подняться уже не смогла.

Весь помятый, исхлестанный ветками Старый Соболь не сразу разжал челюсти. Он долго не мог отдышаться, хватал окровавленный снег и отряхивался, прежде чем приступить к обильной мясной трапезе. Вволю наевшись теплого еще мяса, он медленно поплелся прочь и вскоре прилег отдохнуть в дупле сухого обломанного кедра. А с того места, где осталась убитая кабарга, уже слышались гортанные крики двух невесть откуда взявшихся воронов.

Тем временем охотник в зимовье сварил для собак мясную похлебку, разлил ее по берестяным корытцам — чумашкам — и придвинул собакам. Лайки с жадностью принялись за еду. Молодая собака с белыми крапинками на черных передних лапах, которую звали Лапчиком, управилась быстрее старого Буськи и сунулась было в его миску. Но Буська так выразительно приподнял верхнюю губу, показав свои желтеющие клыки, что Лапчик сразу же убрался.

Солнце еще не поднялось над хребтом, но уже осветило заснеженную тайгу. Вся она заискрилась, повеселела. Оживились и собаки, затанцевали, перебирая лапами и слегка взвизгивая. Охотник взял поняжку и ружье, еще раз огляделся и двинулся в сторону Большого хребта.

Пока он с молодой собакой охотился за белками, Буська убежал далеко вперед и был уже возле Большого хребта. У крутого, заваленного буреломом и валежником склона он наткнулся на след Старого Соболя. Опытный пес не полез в самую гущу, где мышковал под колодинами соболь, а обошел ее стороной, снова пересек соболиный след, который вел на вершину сопки.

Буська сразу понял, что Старый Соболь, вволю наевшись мяса, спит где-то неподалеку. Он спрямил его след, и уже через несколько минут цепочка парных следов оборвалась у сухого кедрового пня. Буська обнюхал корни, втянул ненавистный ему острый соболиный запах и, закинув вверх морду, залаял часто, азартно и гулко, призывая хозяина.

В это время охотник был далеко и не мог слышать лай Буськи. Зато его уловил Лапчик. Он насторожился, постоял немного и бросился напрямик, а по его следу пошел охотник. Вскоре ему тоже стал слышен отдаленный лай Буськи.

Теперь охотник уже не шел, а бежал изо всех сил, перескакивая через валежины, продираясь сквозь густой пихтарник, не замечая, что снег с веток сыплется ему за шиворот, не слыша ничего, кроме призывного лая собаки. Вот и Лапчик залился, подоспел на помощь старому соболятнику.

Близко уже лают. Неужели опять в камни ушел Старый Соболь? Нет, кажется, на этот раз повезло — стоит сухой кедровый ствол, сломленный у вершины, весь на виду и без единой веточки — здесь-то уж Соболю некуда деться! Прислонив ухо к сушине, охотник услышал глухое соболиное урчание. Старый Соболь словно предупреждал, что будет биться до последнего, хотя его и захватили врасплох в таком ненадежном убежище.

Не торопится охотник. Постучал по сушине топором, походил вокруг. Потом набрал сухой бересты, зажег ее и сунул в корни, чтобы дым шел в дупло, — знал, что соболь не терпит дыма.

Забыв всякую осторожность, Старый Соболь в отчаянии бросился вверх по дуплу и выскочил наружу прямо над головою охотника. Тот не ожидал, что соболь по-

(Окончание см. на стр. 52)

Клуб Почемучек

Рис. В. Карабута

Каких только удивительных историй не бывает на свете! Хотите верьте, хотите нет, но однажды в январе на страницах журнала появился... барон Мюнхгаузен. Надо сказать, появление столь необычного гостя не вызвало восторга.

— Странно... Собственно, при чем тут Мюнхгаузен? — удивлялись одни.

— Действительно, ни при чем, — поддерживали другие. — Болтлив. Обманщик и выдумщик. А ребята должны узнавать о природе только истинную правду.

— Вот именно! — решительно заявил Мюнхгаузен. — Знают взрослые и дети, я правдивей всех на свете. Это знают все, кто хоть раз держал в руках книгу о моих неповторимых похождениях. А мои приключения? Моя находчивость? А восторг слушателей?

Возражать было трудно. И Мюнхгаузен появился в Клубе Почемучек — в Клубе самых любопытных и любознательных ребят. Правда, надо сказать, теперь Мюнхгаузен не выдумывает свои истории, лежа на стареньком диване. Оказывается, он не единственный рассказчик необыкновенных приключений. Почемучки узнают удивительное о жизни животных, о диковинных растениях из рассказов ученых, путешественников, краеведов.

А Мюнхгаузен? Мюнхгаузен как-то признался, что даже ему во время его путешествий не приходилось видеть столько удивительного и необыкновенного, сколько видят Почемучки на заседаниях Клуба.

С того января, когда Мюнхгаузен неожиданно появился на страницах журнала, прошло много-много дней... У Клуба появились тысячи читателей. Кстати, назвать их только читателями нельзя. Почемучки работают в Клубе, выполняют задания ученых, редакции журнала. Это непременное условие для члена Клуба Почемучек.

А эту историю мы рассказали для новых читателей журнала, для новичков — членов Клуба Почемучек.

Добро пожаловать в наш Клуб! Добро пожаловать на первое заседание в новом году!

— Привет, привет, мои друзья! А вот и я. Несомненно, мои старые знакомые замерли, ожидая чудес. Сказочных, необыкновенных. Еще раз хочу убедить вас в том, что чудеса бывают не только в сказках...

— Стоило тебе про сказку вспомнить, ан я уж тут.

— Ах это вы, сказочная Василиса?

— Угадал, Василиса Премудрая.

— Э, синьора, скажите, что и я тут.

— Экий ты торопливый, Луковка.

— Зато меня все-все знают. Не прогоняйте меня, синьора.

— Да уж ладно. Оставайся. Глядишь, и ты сгодишься. Так вот. Первое слово я скажу. Помните, ребятушки, в последнем месяце года минувшего сорвала я седьмой лепесток цветика-семицветика. Уговор наш таков: кто лепесток принимает из рук моих, тот, что велю, сделает.

Так вот. Слушайте внимательно да исполняйте старательно. Дело-то совсем необычное, про то, как вырастить...

Лес на пнях

Будет ли толк, если дерево, допустим, посадить... на пне?

Странный вопрос. Такого не может быть! Деревья на пнях не растут!

А вот лесничий одного леспромхоза В. В. Жеймо уже на практике доказал, что на пнях деревья сажать не только можно, но и нужно.

Как же сажает лесничий деревья?

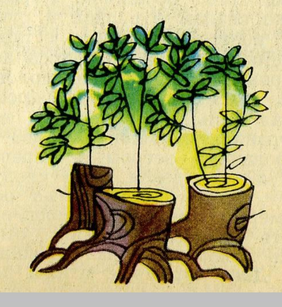
Маленьким мотобуром он насквозь просверливает пеньки на свежей вырубке. Пни, как говорят, еще и солнечным загаром не покрылись! По диаметру лунка получается сравнительно небольшой — до 12 сантиметров. В эту лунку лесничий опускает питательную землю, а затем в такие «ямки» сеет семена или сажает однолетние сеянцы.

Молодое деревце растет не по дням, а по часам! И это действительно так.

Почему же деревья, посаженные в пни, растут быстрее?

Дело в том, что растение, посаженное в пень, защищено от сорняков, да и корни пня дают отличное питание молодым деревцам.

Есть и определенная экономия при такой посадке. Зачем, например, кор-

чевать пни перед посадкой молодых деревьев? Зачем нарушать почвенный слой? Уменьшатся расходы и на «рубки ухода»! Наконец, при посадке деревьев на пнях нет нужды вести борьбу и с зарослями.

Попытайтесь и вы, ребята, повторить этот опыт лесничего.

— Необыкновенно! Я видел огурцы на дереве, сам сажал вишню на голове оленя, но лес... на пнях! Необыкновенно! Однако не кажется ли вам, Василиса Премудрая, что задание ваше несколько не по сезону? Сейчас январь, а зимой, позвольте, кто же сажает деревья?

— Так-то оно так. Да только к делу доброму заранее готовиться надобно. Как в народе говорится: готовь сани летом, а телегу зимой.

— Друзья мои, попробуйте поймать обыкновенную домашнюю курицу — и тотчас убедитесь, что сделать это не так-то просто.

И тем не менее есть такой уголок земли, где вольную птицу можно запросто взять в руки и даже погладить. Далек этот край. Даже на современном корабле добираться до него больше месяца. Это не удивительно, потому что земля эта расположена на противоположной стороне нашей планеты. Край этот Антарктида.

Об этом крае вам расскажет Игорь Ильич Цигельницкий.

Там, где птицы ручные

Я отправился на прогулку к острову Хасуэлл. В руках двухметровая палка с острым металлическим наконечником, чтобы прощупывать заметенные снегом трещины в морском льду.

Приближаясь к острову, я заметил несколько черных точек, плавно парящих над его вершиной. Карабкаться вверх по скалам с палкой в руках неудобно, поэтому пришлось оставить ее внизу. До вершины оставалось несколько метров, когда над моей головой, со свистом рассекая воздух, пронеслась огромная тень. Выбравшись на плоскую гранитную площадку, до блеска отшлифованную ветром, я перевел дыхание и огляделся. А в следующую минуту сорвал висевшую на ремешке кинокамеру и начал беспорядочно размахивать ею над головой, отбиваясь от двух поморников, набросившихся на меня. Две огромные птицы по всем правилам воздушного боя приближались ко мне с разных сторон встречными курсами. Клюв угрожающе раскрыт, крылья почти касаются скалы. В метре от меня обе птицы взмывают над головой, сбивают шапку, и все начинается сначала. Честно говоря, стало жутковато. Вот когда пришлось пожалеть о палке, оставленной далеко внизу.

Но почему спокойно летавшие до этого поморники стали вдруг такими агрессивными? Уж не считают ли они себя единственными полноправными хозяевами острова? Я застыл на месте. И поморники уселись в нескольких метрах, уставившись на меня злющими глазами. Стоило сделать несколько шагов — и атака возобновлялась. Я уже начинал подумывать о почетном отступлении, когда услышал совсем рядом тонюсенький писк. Приглядевшись, обнаружил маленький серый комочек, забившийся в расщелину между скал и жалобно разевающий большой желтый клюв.

Все объяснилось просто. Благодаря чистой случайности я вышел прямо на гнездо поморника. А поскольку гнездо представляет собой просто небольшое углубление в скале, заметить его было трудно. Самоотверженные родители бросились на спасение птенца, и, нужно сказать, не без успеха.

На память об этом сражении у меня остались кадры с поморником, мчащимся на огромной скорости прямо на объектив.

Помимо рыбы — основной пищи антарктических птиц, — поморник не прочь полакомиться пингвиньими яйцами или даже стащить зазевавшегося пингвиненка. Пингвины люто ненавидят поморника и при его появлении поднимают настоящую «воздушную тревогу».

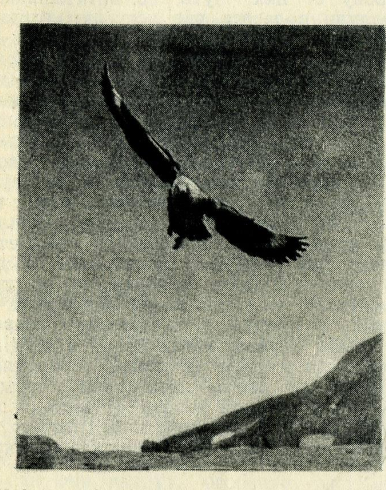
Вместе с тем поморники необходимы в колонии пингвинов, поскольку они являются санитарами, уничтожающими погибших птиц.

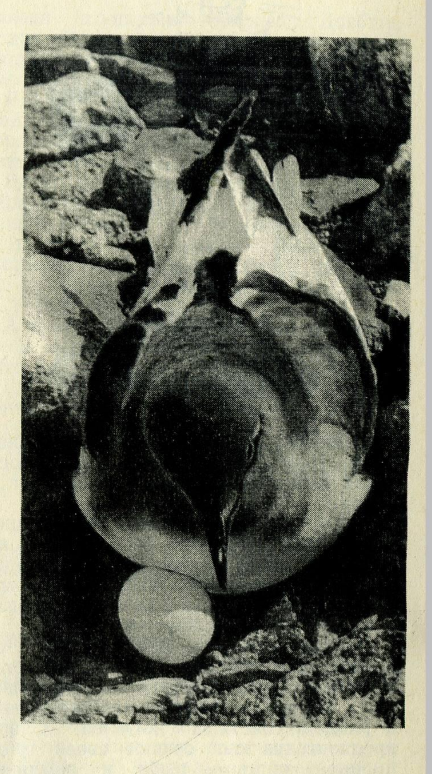
Крылья у поморника темно-коричневые, с белыми маховыми перьями, а тело серо-стального цвета.

Гораздо привлекательнее и по внешнему виду, и по характеру другая, наиболее распространенная на побережье Антарктиды птица — серебристо-серый буревестник.

Нежно-розовые лапки, белоснежная грудь и серебристо-серые спинка и крылья. При такой расцветке заметить сидящего на снегу буревестника нелегко. Зато как красиво выделяется его стремительный силуэт на фоне темно-

коричневых скал или до синевы прозрачного неба.

Свои гнезда буревестник устраивает в расщелинах скал, на осыпях гранитных обломков или роет пещеры в снегу. Мне довелось видеть, как самец с самочкой, подменяя друг друга, вырыли клювом и лапками в плотном, слежавшемся снегу просторную пещеру-гнездо всего за полтора часа.

Когда серебристо-серый буревестник высиживает птенцов, к нему можно подойти вплотную и взять в руки. Правда, птица начинает проявлять признаки беспокойства: вскакивает с насиженного места, раскрывает крылья, но не улетает. А когда ее возьмешь в руки, пригреется и затихнет.

Однажды мне захотелось подобраться к буревестнику вплотную и сфотографировать его крупным планом. Неожиданно струя оранжевой жидкости из клюва ударила прямо в открытый объектив, забрызгав лицо и капюшон куртки. Оптику удалось отмыть с большим трудом, а запах рыбьего жира надолго пропитал куртку. Многие птицы из семейства водоплавающих применяют такой способ отпугивания непрошеных гостей, и я просто забыл об этом.

Много истинной радости приносят птицы людям, работающим в этих суровых краях. У птиц не было врагов, и поэтому они не боятся человека. И человек не будет их врагом.

Вся территория антарктического материка и прилегающие к ней воды объявлены заповедником, в котором можно только наблюдать и изучать жизнь животных и птиц.

— Послушаем еще и рассказ Константина Сергеевича Богданова об одном странном острове, который называется...

Остров свиней

Такое название получил остров Фадуит у западного побережья Африки. Этот абсолютно плоский остров возник из отложений раковин моллюсков. Несмотря на свою небольшую величину, остров густо населен... свиньями. Куда бы вы ни взглянули, всюду увидите

этих животных. Они разыскивают пищу вдоль берега, спят, роются в отбросах возле домов рыбаков, гоняются друг за другом.

Никто не может сказать, когда впервые свиньи появились на острове и кто завез их сюда. Наиболее правдоподобное предположение, что они потомки диких свиней, много лет назад проникших на остров с континента.

Свиней развелось так много, что однажды островитяне устроили настоящую бойню. Были убиты тысячи животных. С этого времени свинина вошла в рацион местных жителей. Однако предпочтение они отдают своей традиционной пище — рыбе и земляным орехам.

Совет-задание вам дает Александр Николаевич Стрижев.

Белкины хлопоты

Какие бы зима ни насыпала метели, белочке тепло в глубоком круглом гнезде. Еще загодя свила она себе жилище из тонких веточек да из растрепанного мочала, выстлав его изнутри мохом, содранным с деревьев. Дремучая ель надежно укрыла от ветра белкин домик — шар, укрепленный в развилке сучьев.

Белочка обыкновенно спозаранку отправляется промышлять пропитание. Вскочит под самую верхушку старой ели, выберет спелую шишку — и давай ее разгрызать, семечки вылущивать. После сытного завтрака можно сладко поспать до другого утра.

Гораздо белка делать запасы. По осени то грибы на сучья накалывала, то орехи и желуди по дуплам да под мох прятала. Вот теперь-то, в студеное время, и навещает пушистая хлопотунья кладовки заветные. Вонзит в отборный орешек нижние тонкие зубы, раздвинет скорлупки — и ядрышко вот оно. Зацокает, на радостях, белочка, поведет кисточками ушей.

Когда же припасы истощатся, обладательница голубой шубки не унывает: кругом еще желудей много. Правда, проку от них чуть, по питательности желуди в десять раз уступают еловым семенам. Теперь одним завтраком не обойтись, приходится из гнезда выскакивать и в полдень и вечером. Не верхами, по деревьям, а низом — по снегу прыгает тогда белка. Ничего, что пощипывает на морозе стоптанные лапки. Белка и к великану дубу сбегает, авось попотчует своими плодами, и на опушку выскочит: рядом хлебное поле, колосками подкрепиться можно. Пожива не пожива, а от колоска не откажется иной раз. Разроет белка снег, уйдет с хвостом в ямку, не ведая, что за этим занятием ее легко могут подстеречь и лиса, и куница, и всевидящий ястреб.

Были случаи, когда белки в поселок заходили и даже на чердак забирались. Проведали как-то хлопотуньи чутьем, что под крышей мешок с орехами лежит, вот и повадились наведываться на даровое, пока не опорожнили тару.

Самое страшное для белки — по березнякам пойти, все равно что по миру пуститься. Лишь при крайней нужде обращается она к меловым колоннам берез за коротким мохом. Сколько ни ешь — не насытишься. Плохое подспорье и еловые веточки, из них белка выгрызает почки. С такого пайка не всякий зверек и в гнезде согревается, хотя затыкает лаз мочалом, и сам свертывается поплотнее. Многоследица, зеленый сор под елками и березовое подаяние — верные признаки недоедания белок. Если не отокуют в более гостеприимные угодья — многих из них по весне недосчитаться.

Поддержите голодающего зверька. Развесьте кормушки (привяжите лотки к деревьям), а потом не забывайте там почаще оставлять орехи, желуди, сушеные грибы, еловые шишки — все то, чем кормятся белки.

— Сегодня мы продолжаем печатать рассказы, присланные на конкурс «Край родной, край любимый».

С какой любовью и восторгом пишут ребята о своем крае — самом чудесном, самом красивом!

И жюри нашего Клуба просит участников конкурса рассказать: а что делаете вы, ребята, для того, чтобы год от года хорошели ваши города, поселки, села, аулы?

Чудо-степь

Нет у нас ни быстрых речек, ни высоких гор, ни непроходимых лесов. За то есть степь. На первый взгляд это слово кажется неярким, каким-то сухим. Но это не так. Надо увидеть степь весной, когда цветут красные, желтые, белые тюльпаны. Их целое море! А как они пахнут, особенно желтые! Так и хочется унести этот кусочек степи.

Тюльпан — мой любимый цветок. Я знаю, есть черные тюльпаны, редкие это цветы. Но я бы не хотела, чтобы моя степь была покрыта весной ими. Нет. Яркие цветы, душистый запах и огромное голубое небо — это чудо! И как хочется, чтобы степь с тюльпанами возле моего городка, моего Дончуза, была всегда. И палящее летом солнце. И снежные метели зимой. И даже осенняя грязь. Все мне кажется прекрасным в моей родной степи. Для меня нет лучше края.

Любовь ШУБА

Оренбургская область

Карпаты мои, Карпаты

Карпаты... Сюда со всех уголков нашей страны приезжают туристы — все хотят увидеть красу Карпат.

Яремче, Ворохта, Говерла — эти места знакомы каждому. Здесь гулял со своими хлопцами Олекса Довбуш, в дни Великой Отечественной войны прошел легендарным рейдом С. А. Ковпак. Многое видели зеленые горы!

Вот мы в лесу. Идем узкой извилистой тропинкой. Вокруг зеленое море. Деревья будто приветствуют тебя, шелестя своими ветвями.

Вдруг на тропинку выбегает король Карпатских гор — олень. От неожиданной встречи он останавливается и смотрит на тебя своими спокойными, чистыми, как весеннее небо, глазами. Но стоит шевельнуться, как олень снова уносится в горы.

А какой приветливый, веселый народ здесь живет! Гуцулы! Они прославили себя прекрасными танцами и песнями.

Где-то далеко в горах слышится призывный звук трембиты — это на зеленых полонинах пасут свои отары чабаны.

Я очень люблю свой край и горжусь, что вырос в Карпатах.

Ярослав ГНАТЮК

Село Заречье
Ивано-Франковской области

Иртыш-река

Еще не совсем опустилось солнце. Оно лукаво выглядывало из-за горизонта оранжево-красным краешком.

Иртыш... Как тих, величав он в этот вечерний час! А сколько красок вобрал в себя!.. У самого горизонта, где Иртыш встречается с солнцем, неподвижные воды нежно-розовые. Но весь он сияет изнутри голубоватым пламенем. Вместе с тихо набегающей на берег волной меняется и цвет воды. Вот уже появилась робкая зеленоватая с белым гребешком волна. Медленно плывет она, становясь все ярче и ярче. В ней еще проскальзывают осколки солнышка, уже не красного, а розового-розового. Но вот погас последний блик, последняя розовая искорка. И наконец вода стала изумрудно-зеленой. Лишь у самого берега белеет светлая полоска пены. Она тихо бьется о берег, мягко касается моих ног. Как забыть тебя, Иртыш, после такого знакомства!

Тамара ПОПОВА

г. Павлодар

— На этом наше первое в этом году заседание заканчивается.

До скорой встречи, друзья мои!

ГРОЗА МЫШЕЙ И ПОЛЕВОК

(К нашей обложке)

Однажды мне удалось увидеть горностая в безмолвном ноябрьском лесу. Я сидел на стволе упавшего дерева на полянке. Вдруг слева от меня у невысокого куста кто-то промелькнул. Еще мгновение — и между стволами сосен и берез бесшумно «проплыл» короткими сильными бросками изящный белый зверек с черным кончиком на хвосте. На мордочке четко темнели бусинки глаз и пуговка носа. Не успел я шевельнуться, как зверек, точно призрак, исчез за толстым пнем. Все молчало, только цепочка парных следов свидетельствовала, что горностай был наяву. Запоздавший на утренней охоте маленький хищник спешил в свою нору, чтобы отдохнуть после ночных похождений.

Горностай — один из самых маленьких и ловких наземных хищников. Его редко увидишь в зоопарке: зверек плохо переносит неволю. Не держат его и в клетках — нрав у хищника коварный. Он злейший враг мелких грызунов: мышей и полевок.

Горностай не боится воды и смело пускается вплавь. Как жителю пойм ему нередко приходится спасаться от наводнения. Иногда застигнутая половодьем семья вынуждена покидать надежную нору и пережидать наводнение в дупле, а то и просто в развилке толстого дерева. Много беспомощных маленьких горностайчиков гибнет в сильное половодье, несмотря на все старания самок спасти их. Но даже если паводка и нет, далеко не все детеныши вырастают. В выводке бывает в среднем 8—9 малышей, и самке трудно прокормить такую ораву. Слабые гибнут от голода и болезней.

Немало опасностей подстерегает неопытных горностайчиков. Неосторожные зверьки нередко становятся добычей более сильных четвероногих и пернатых хищников. А еще надо прожить долгую, трудную зиму. Хорошо, если много водяных крыс. Горностаи поселятся поблизости от колоний грызунов и безбедно зимуют. Более мелких грызунов приходится подкарауливать около нор или ловить под снегом в шарообразных гнездах из сухой травы, построенных на поверхности земли.

Горностай легко «ныряет» в снег, пробираясь к гнездам и ходам грызунов. Хищник свободно передвигается по подземным лабиринтам, иногда не появляясь на поверхности по нескольку суток. В сильные морозы зверьки не покидают своей норы. На всякий случай у них запасен корм: несколько задушенных и заботливо припрятанных грызунов.

Летом горностай разнообразит свое меню за счет птичек и их яиц, насекомых, изредка ягод и плодов. Зимой маленький разбойник отваживается даже нападать на зазевавшегося зайца и лесного красавца глухаря.

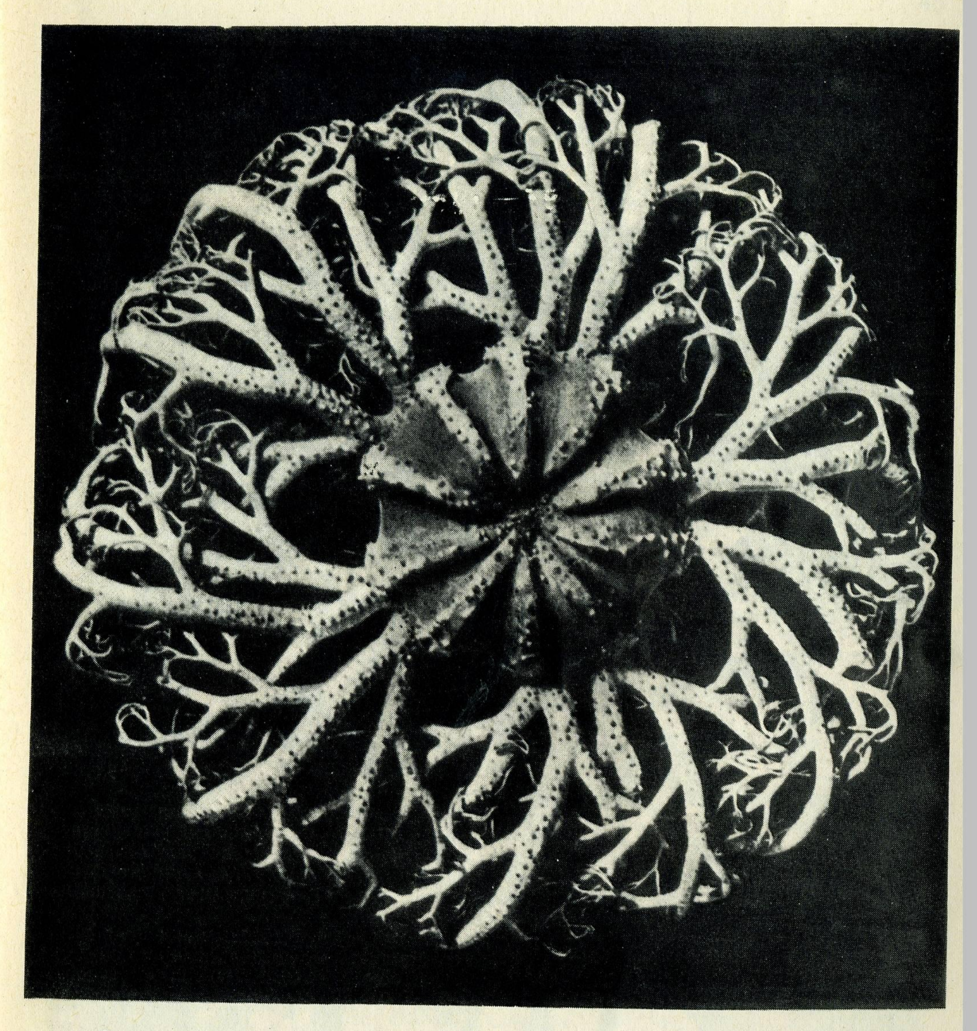
Конечно, такие драмы в лесу встречаются редко. Глухарь превосходит горностая по весу в 15—20 раз. Не всякий даже голодный зверек отважится напасть на такого великана. Правда, смелостью горностай, пожалуй, превосходит иных четвероногих хищников. Самка, защищая детенышей, иногда смело бросается даже на человека. Но эта отчаянная храбрость обычно не спасает зверька от более крупных противников. От них у него есть защита понадежнее. Это сильно и неприятно пахнущий секрет прианальных желез.

Как-то собака загнала горностая на ивовый куст. Казалось, зверьку не спастись от собачьих зубов. Куст ходил ходуном, и горностай только чудом цеплялся за тонкий гибкий стволик. Желая рассмотреть зверька поближе, я подошел к кусту вплотную. Зверек резко застрекотал и отважно метнулся в противоположную от собаки сторону. Противный запах ударил в нос так, что на глазах выступили слезы. Собака, сбитая со следа зловонием, виновато металась по траве, а горностай уже добрался до спасительной норы.

Когда охотник снимает шкурку с убитого зверька, непривычный человек не может находиться рядом: так сильно и резко пахнет зверек. И это после того, как маленький хищник истратит весь секрет пахучих желез, пока бьется в капкане или деревянном самолове. На морозе пахучий секрет вымерзает и теряет стойкость. Но и тогда, взяв горностая в руки, вы сразу почувствуете неприятный запах, а руки будут пахнуть зверьком, как бы вы их ни мыли.

Крупные, с хорошей шкуркой горностаи населяют Березовский район Тюменской области и Барабинскую лесостепь в Новосибирской области. Живет горностай и на юге страны. Здесь он зачастую не линяет на зиму и круглый год остается коричневым, с беловатым или светло-желтым брюшком. А вот кончик хвоста у него всегда черный.

Н. ГРАКОВ

Это интересное животное — офиура. Русское название у него «голова горгоны», а научное — «горгоноцефалюс». Хотя офиуры, несомненно, родственники морских звезд и, вероятно, произошли от них, они во многом отличаются от морских звезд.

Живут офиуры на самых различных глубинах и на самых разных грунтах. А некоторые ради собственной безопасности постоянно обитают среди игл морских ежей. Офиуры очень красиво окрашены, обычно в красные и розовые тона.

Нередко человек, поймавший в море небольшую офиуру, пораженный своеобразной формой и окраской животного, пытается держать ее дома в аквариуме, но, как правило, офиура вскоре погибает. Она капризна и очень требовательна к составу воды.

●

В Главном ботаническом саду в Москве собрана богатая коллекция диких растений. Их привозят из самых дальних уголков Советского Союза, а потом выращивают в коллекции ботанического сада, проверяют, могут ли эти «дикари» расти в Москве.

К сожалению, не всем растениям нравится московский климат. Некоторые растения гибнут, другие растут с трудом. А вот среди победителей самых выносливых растений ученые отбирают самые красивые и полезные. Таких очень много. Их разводят не только в коллекциях сада, а и распространяют. Ведь все наши культурные цветы были когда-то дикарями!

И бузульник сибирский, который вы видите на фотографии, оказался очень интересным, неприхотливым растением. Рады ему не только многочисленные посетители, а и пчелы, облепившие цветы бузульника!

●

Потри слегка узенькие серовато-зеленые листики розмарина, и ты почувствуешь аромат, словно в комнате открыли флакончик духов. Нагнешься к растению — и почувствуешь, что благоухает весь кустнк. И сразу вспомнятся тебе южные края с изобилием пряных, душистых растений.

Когда-то розмарин был распространенным комнатным растением. Уж очень его любили за приятный аромат. Но им не только любовались. В ходу он был и как пряность. Душисты домашние пироги, печенье с розмарином. Сдабривали им и приправы к разным блюдам.

В древних сказаниях говорится, что от одного запаха розмарина люди молодеют. В старину пучки этого растения развешивали в жилищах. Люди были уверены, что он дезинфицирует помещение. А теперь выяснилось, что действительно летучие вещества растения губят вредных микробов.

С розмарином вы можете повстречаться на душистых плантациях в Крыму, на Кавказе, в Средней Азии. Это признанное здесь эфиромасличное растение. Под него отводят целые поля. Масло розмарина требуется для одеколона, духов, туалетного мыла, зубной пасты.

Это изящное растение — комнатный одеколон — вырастить несложно. Розмарин — многолетнее вечнозеленое растение из семейства губоцветных. Весной и в начале лета его густые красивые кустики покрываются мелкими голубыми цветками.

В летнюю пору розмарин будет себя хорошо чувствовать и на балконе или в саду. В это время полезно подкармливать его слабым раствором птичьего помета (1 : 20). Зимние невзгоды он лучше переносит в светлом прохладном месте. Его можно поставить, например, на окне у самого стекла. Поливайте растение в это время понемногу, подкормок не давайте до весны.

Душистого зеленого друга развести довольно легко. Его размножают семенами, черенками, отводками и делением разросшегося куста. Черенки укореняют ранней весной во влажном песке под стеклом.

После укоренения растения пересадите в небольшие горшочки, поставьте на солнечном окне. И тогда ваши розмаринчики быстро разрастутся.

●

Красива кудрявая липа, но в комнате ее не увидишь. Расти она здесь не будет. Но, оказывается, в Африке есть родственница нашей, всем известной липы. Ботаническое имя ее спармания. Это растение издавна известно цветоводам, его охотно выращивают в комнатах. Поэтому спарманию нередко называют еще комнатной липкой.

По форме листья спармании очень напоминают липовые. Они светло-зеленые, покрыты сверху и снизу пушком и от этого мягкие. Спармания может цвести и в зимнее время. Цветки у нее довольно крупные. Их очень украшают красные пыльники многочисленных желтых тычинок.

Растет спармания быстро. Весной и летом поливайте ее почаще, давайте удобрительные подкормки. Спармания хорошо растет на северном окне, а летом на северном балконе.

Размножают спарманию молодыми черенками, листья на них немного укорачивают, чтобы уменьшить испарение. Укореняют черенки в увлажненном песке, накрыв их стеклянной банкой. Укоренившиеся молодые растения пересадите в смесь, состоящую из глинисто-дерновой, листовой земли, перегноя и промытого речного песка. Прищипните несколько раз молодое растение, и оно тогда будет расти красивым, пышным кустиком.

Разрастается спармания сильно, встречаются растения ростом с человека. И квартирой у деревца тогда уже будет кадка. Крупную, разросшуюся спарманию хорошо подарить школе, библиотеке.

Во саду ли…

«Новый год — к весне поворот!» Мороз, стужа. А все же деньки хоть на воробьиный шаг, да длиннее. Незаметно и весна подойдет. И для юных овощеводов и цветоводов наступило время позаботиться о приобретении семян.

Сообщаем вам адреса четырех магазинов. Заказ посылайте в ближайший магазин.

г. Харьков, 12, ул. Карла Маркса, 1-а, магазин «Семена—почтой»;

г. Краснодар, ул. Новороссийская, 164, магазин «Семена — почтой»;

г. Свердловск, 84, магазин «Семена — почтой»;

п/о Лесной городок, Московская область, магазин «Семена — почтой».

Заказ пусть пошлет кто-нибудь из взрослых. В своем адресе не забудьте указать и почтовое отделение. Семена высылают наложенным платежом, без задатка.

Ну а что заказать в магазинах! Это уже дело вкуса.

●

Горох — растение удивительно благодарное. Он огородный чемпион по обилию белка. Обыкновенная зеленая горошина словно поливитаминная таблетка. Каких только витаминов в ней нет! Съешь горох, и ты получишь необходимый запас солей железа, кальция, калия, фосфора.

Горох за сезон приносит не один, а два отменных урожая. Один урожай видимый — сладкие недозрелые семена или зеленые бобы (лопатки). А вот второй урожай невидимый — подземный.

Оказывается, горох — зеленая фабрика азота. На его корнях поселяются клубеньковые бактерии. От этих бактерий гороху не вред, а большая польза. Они настоящие фокусники: начинают усваивать азот из воздуха. После скашивания гороха в почве остается много азотного удобрения.

Опытные садоводы любят выращивать горох в молодом саду. Там ему светло, и урожай он приносит хороший. Затем зеленую массу запахивают. И от зеленого да клубенькового удобрения у молодых деревьев заметно увеличивается прирост.

Все сорта овощного гороха делятся на лущильные и сахарные. Сахарные сорта без жесткого пергаментного слоя в створках бобов. Их мясистые молодые лопатки (бобы) можно есть целиком, вместе со сладкими семенами. Лущильные сорта выращивают ради зеленого горошка, вылущенного из бобов.

●

Горох на огороде — это сладкие семена, сочные лопатки, азот в почве. Даже стебли не пропадают — хороши на корм скоту или на зеленое удобрение.

Но есть еще одна служба у гороха. Выручает он полярников. На Крайнем Севере, где постоянно снег да стужа, очень ценят всходы гороха. Сочные, нежные, они очень богаты различными витаминами, много в них и белка. Салат из всходов очень полезен. Такой витаминный урожай можно собрать среди зимы на любом окне!

●

Обильный урожай гороха на огороде получить несложно. Корни у него глубоко проникают в почву, и растения особенно хорошо развиваются на глубоко обработанной почве. Очень полезно добавить перегной. Из минеральных удобрений на каждый квадратный метр весной можно внести по 30 граммов готовой огородной удобрительной смеси и по два стакана золы.

Золу горох особенно любит. Поэтому постарайтесь собрать и накопить ее за оставшиеся холодные месяцы. Храните ее в железной таре в сухом месте.

●

На почвах, где впервые высевают горох, очень полезно использовать бактериальное удобрение нитрагин. Нитрагин можно приготовить и самим. Для этого после уборки гороха осторожно выкапывают его корни, промывают и раскладывают в темном теплом помещении при температуре не выше 30 градусов. После высушивания корни размельчают, кладут в мешки и хранят в сухом прохладном помещении до посева.

Для обработки семян на один гектар требуется взять 30 граммов сухих корней. За три недели до посева корни смачивают водой в соотношении 1 : 1. Посуду с намоченными корнями ставят в темное место и время от времени корни перемешивают. Перед посевом семена гороха в темноте смешивают с намоченными корнями.

●

Очень полезно прогреть семена гороха перед посевом. После этого они будут прорастать дружнее, энергичнее. При холодной, сырой погоде их можно прогреть на теплой печи при температуре 40 градусов в течение 3 часов. А если стоит сухая погода, то на солнце в течение 2—4 дней.

… в огороде

ЗАГАДОЧНОЕ МОЛЧАНИЕ

Когда, распушив хвосты и широко расправив крылья, чайки кружатся на месте, падают вниз и плавно взмывают кверху, кажется, что танцуют на легком ветру сами снежинки — крупные, мохнатые, какие летают в первые, еще теплые дни зимы. Нет ничего прекраснее, чем наблюдать полет ослепительно белых птиц в ясный солнечный день на ярко-голубом небе над сверкающими голубоватыми обломками вздыбившихся льдин. Но особенно красивы, просто сказочны эти птицы в пасмурные, сумеречные дни, когда небо серое или густо-синее, а безбрежная снеговая равнина кажется излучающей свет. И все же раньше я не любил полярных чаек за то, что они поедали падаль. Всякий раз, когда я выходил к полынье, они уже сидели на верхушках самых высоких торосов и, как дисциплинированные зрители, чего-то ждали. Я знал, что ждали они точного выстрела в тюленя, всплывшего на поверхность подышать, и это их столь явное желание меня больше всего бесило.

Однажды я лежал в засидке, небольшом укрытии из снега, ожидая появления нерп. Нерпы плавали подо льдом и должны были появиться с минуты на минуту. Я лежал в спальном мешке на оленьих шкурах и смотрел, как надо мной настойчиво кружит белая чайка. Словно пытаясь в чем-то разобраться, пролетая, она всякий раз вращала из стороны в сторону головой. И вдруг, не издав ни звука, неожиданно уселась возле моих ног, так что и ее спрятала от взора пугливых нерп снежная стенка. Все поняла! Как выдрессированная охотничья собака! Сидит рядом тихо и глазом заговорщически на меня глядит. От неожиданности так и шарахнулась, когда я ее прогонять стал. Со мной этим птицам делать было нечего. Я охотился только с фотоаппаратом. Но и от других охотников, настоящих, им особо много не перепадало. Другое дело белый медведь — чайки всегда за ним летят. Ест он сразу помногу и, наевшись, тут же засыпает, а на останках тюленя сию же секунду начинают пировать чайки.

Бесцеремонность их мне довелось пронаблюдать в довольно щекотливой ситуации.

Дело было так. Я шел по пятам медведя, который стащил на полярной станции здоровенный кусок мяса, приготовленный для собак. Нет, я не собирался медведя наказывать. Я хотел лишь сфотографировать его в торосах. Надоело мне делать снимки, где в каждом кадре вместе с медведем стоит множество народа, а вокруг бешено скачут собаки. И я никого не позвал с собой. Оружия тоже не взял, так как давно обходился без него и ни один медведь меня еще никогда не трогал. Впрочем, теперь я понимаю, что оснований верить, будто так будет и всегда, у меня не было.

Медведь жадно терзал мясо, но стоило мне приблизиться, как он подхватывал кусок и, волоча его по снегу, отбегал подальше. Так повторялось несколько раз. Мы ушли слишком далеко, прежде чем я понял, что увлекся и оказался в западне. Один, без оружия, без всякой надежды, что обо мне вспомнят и придут на помощь, стоял я в раздумье, не зная, что делать, в тридцати шагах от зверя, который наконец-то положил на снег свой кусок и смотрел на меня очень пристально, с каким-то злорадством.

От моей уверенности, что никогда никакой зверь — и медведь тоже! — не решится напасть на меня, и следа не осталось. Я продолжал бодриться, но уже только для видимости, чтоб медведь не заметил страха. Но он все же заметил. Перепрыгнул через гряду торосов и пошел прямо на меня. Легко, трусцой, неторопливо перебирая жуткими кривыми лапами, на которых чернела уйма огромных когтей. По тому, как он, приближаясь, поматывал головой, я понял, что шансов на спасение у меня на этот раз очень мало.

Я закричал ужасным голосом, грозно замахал руками и побежал ему навстречу, надеясь испугать. Но медведь не сдрейфил, не поджал хвост, как сделала бы в тот миг любая дворняга. Он даже не остановился от удивления, а только яростно, коротко взревел.

Я замахнулся фотоаппаратом, потом скинул куртку и швырнул ее в медведя. Тот на лету подхватил ее лапой, накинул себе на голову и в ярости принялся драть. Что побудило меня сделать так, я не берусь объяснять. С колотящимся сердцем я пятился, прицеливаясь, как бы поудачнее зашвырнуть в медведя валенком. Чайки, все время преследовавшие нас, подняли невообразимый галдеж на оставленном медведем куске мяса. Медведь, сбросив наконец-то куртку, поднял голову и насторожился. Он посмотрел туда, где порхали и кричали птицы, на меня и галопом пустился назад — чайки взлетели, словно снег, поднятый вихрем, когда медведь, перескочив торосы, обрушился на них. Я был спасен. С тех пор я не отгонял от себя белоснежных птиц. Больше того, рассудив по-человечески, я попытался отплатить им добром. Только вряд ли из этого что по-настоящему получилось.

Наблюдая за колонией полярных чаек на острове, я поразился беспечности, с какой птицы, на мой взгляд, относились к продлению своего рода. Остров этот придавлен стометровым ледяным куполом. Отвесные скалы зеленовато-голубоватого оттенка удивительно красивы, но гнезд на них не построишь — летом ледяные стены постоянно рушатся. И чайки, избравшие как раз этот остров для своего гнездовья, расположились лагерем на узкой галечниковой косе, единственном клочке суши внизу, у моря. Здесь они собирались сооружать гнезда.

Остров славен не только своей уединенностью, недоступностью, близостью к полюсу. В его окрестностях регулярно появляются медведи, и я с ужасом думал, что может произойти, если один из них придет на остров в тот момент, когда птицы начнут высиживать яйца. Камня на камне не оставит он от гнездовий.

А птицы день ото дня вели себя все шумнее. Давным-давно, в те дни, когда еще стояли сильные морозы, когда на косе лежал плотный, утрамбованный ветрами снег, они начали свои беседы, и, казалось, никакой силой нельзя будет остановить их. Голоса у них были звонкие, петушиные. Со стороны могло показаться, что чайки только и делали что ссорились. Начинали грозно кричать птицы еще в воздухе, подлетая к гнездовью, а опускаясь, тут же делали грудь колесом, чуть расставляли сложенные крылья, голову откидывали назад и верещали так грозно и внушительно, так звонко, что крик одной лишь птицы мог остановить идущего в километре от острова медведя. А когда этому крику вторил пятисотголосый птичий хор!..

Но медведи вдруг стали приходить все реже и реже. Снег таял, стал мягким и рыхлым. Последний медведь, которого мы видели незадолго до того, как чайки затихли, прошел мимо острова вдали. Он медленно, будто нехотя передвигал лапы и все что-то вынюхивал в снегу. Наверно, и ему было трудно ходить по такому снегу. Ну, а чайки действительно затихли. Это было удивительно, и проснулись мы в тот день от необычной тишины. Я побежал взглянуть, в чем дело, — все птицы сидели на земле и молчали. И молчали они так до тех пор, пока не высидели все яйца, не вывели всех птенцов. Почти целый месяц! И только тогда у них снова прорезался звонкий задиристый голос. Ни один медведь за это время к острову не подошел. Пораженный, я просмотрел дневники полярной станции, где отмечали появление на острове каждого медведя. Ни один медведь на острове не появлялся в то время, пока птицы выводили птенцов.

Связано ли это было с ритмом жизни белых медведей, с временем таяния снегов? Или все же не зря помалкивали птицы? Судить трудно, но авторитет чаек в моих глазах вырос. В этих широтах никто, кроме них, не умел выводить птенцов. И бургомистры, и пуночки, и моевки залетали весной, жили дня по два и подавались восвояси. И лишь чайки постоянно оглашали окрестности жизнерадостными криками.

Как только птичья колония завела громкий разговор, сразу же к нам в гости повадились и медведи. Первым делом они обследовали гнездовье чаек. Что тут началось! Вся армада поднималась в воздух и обрушивала на медведя град толчков, ударов. Медведь на все эти тырчки не обращал внимания. Уткнувшись носом в гнезда, он исследовал их. Но было уже поздно. Верткие, как мыши, серые клубки ускользали от его тяжелых лап. Давил он одного, другого так, ради озорства. Чаще всего он вскоре бросал это занятие и направлялся к домам, где на привязи в бешеном лае захлебывались собаки.

В. ОРЛОВ

КРЫЛАТЫЕ САНИТАРЫ

Несколько мальчишек вышли на окраину кишлака испытать ружье, подаренное одному из них отцом. Взглянув вверх, кто-то увидел плывущую в небе большую птицу с загнутым клювом.

— Хищник! Бей его!

Прозвучал выстрел. Птица вздрогнула, качнулась и через несколько секунд тяжело ударилась о землю. Она еще пыталась взлететь, била широкими крыльями, но выстрел был метким, и птица вскоре затихла.

— Ты гляди, крылья-то метра два будут, не меньше!

— А лапы здоровые! С когтями! Такой целого барана унесет!

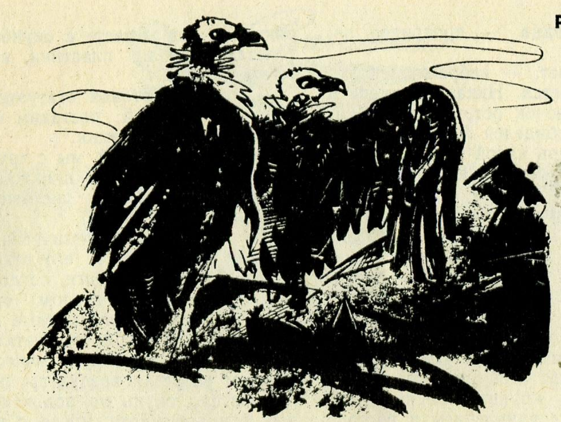
— А клюв! Помнишь, в кино?..

И не знали молодые горе-охотники, что в своей глупой жестокости они убили одного из самых полезных обитателей наших южных гор — безобидного грифа.

Как часто мы создаем себе о ком-то, в том числе и о животных, мнение только по форме, по внешности. Некрасивый — значит, вредный; плохой, значит, бей его.

Грифы, а также родственные им сипы и стервятники — крылатые санитары. Неуклюжие, грубые птицы очищают землю от падали, не давая распространяться заразным болезням в мире животных.

Рис. В. Прокофьева

Под снегом добычу не увидеть, поэтому живут эти птицы только на юге. Мощные клювы и когти служат им для раздирания падали, а совсем не для убийства. На живых животных они не бросаются. Поэтому у некоторых народов Востока, например в Индии, грифы считаются священными животными. Ведь во многих древних городах нет никакой канализации, и все отбросы, вся грязь уничтожаются грифами.

В горах и предгорьях каждый из них кружит над своим участком площадью нередко в несколько десятков квадратных километров, старательно рассматривая сверху землю своими необычайно зоркими глазами и в то же время бросая взгляды на соседей. Как только один увидит падаль и начинает планировать, другие тоже спешат к этому месту. Такой «беспроволочный телефон» собирает порой десятки грифов.

Птицы они крепкие, за несколько секунд спускаются из холодных, разреженных высот на дно жаркой долины. Осторожно приближаются к трупу осла, барана или лошади и, убедившись в безопасности, принимаются за трапезу.

Да, конечно, культуры во время еды у них маловато. Шипенье, гогот, ехидное хихиканье, драки. Кто больше и сильнее, тот ест первым. Но еды хватает всем, и вскоре от павшего животного остается только куча больших костей, с которыми бессильны справиться даже железные клювы грифов.

Гнездятся они обычно в горах, на неприступных склонах, в отличие от других птиц птенцов выводят очень мало, одного-двух.

Приручаются, но и в неволе сохраняют свой сварливый и несколько мрачный характер. Красивого пенья от них не услышишь. Да этого никто и не ждет. Грифы — дворники, санитары природы и со своей работой справляются неплохо.

Помните об этом и берегите их.

А. ЯБЛОКОВ

ЗВОНКИЙ ОКУНЬ

Ленька Кривин, тринадцатилетний сосед с хитрыми раскосыми глазами, долго уговаривал меня поехать на зимнюю Клязьму рыбачить.

— Рыбы в Клязьме видимо-невидимо,— уверял он. — Прямо лед шатается от нее. Ты лунку сверху бьешь, а рыба снизу грызет. Говорят, только пробьешь — ее так и выпирает наверх, только успевай в сумку или в мешок укладывать.

Я посчитал Леньку опытным рыбаком и поехал с ним. Ленька одолжил мне короткую «махалку» с блесной, похожей на заржавленное сердце.

Настроение мое упало сразу, едва мы вышли на лед. Он был весь изрешечен лунками.

— Это даже лучше, — бодро сказал Ленька. — Займем готовое место, силы сохраним для ловли.

Бессмысленное махание удочкой скоро надоело и утомило. Бросив удилище на лед, я придавил его валенком. Никакая рыба не зарилась на ржавую блесну.

Недалеко от меня понуро сидел Ленька. Он тоже давно бросил «махалку» на лед и, съежившись, растирал лицо шерстяными рукавицами. Я погрозил ему кулаком. Ленька тотчас встал и начал сматывать удочку.

— Не клюет сегодня, — прохрипел он, подходя.

— А у меня клюет, — небрежно сказал я, — да все срывается. Никак подцепить не могу. У тебя крючок острый, попробуй!

— Не смейся, — обиделся Ленька. — Виноват я, что ли? День какой-то несчастный. Может, спит рыба, а может, до нас переловили всю.

Мне было жаль зря потраченного времени. Я не понимаю людей, часами терпеливо ждущих клева. Без тени сожаления я взялся за удилище и начал сматывать леску. И вдруг меня дернуло и повело к лунке. Казалось, что крючок зацепился по меньшей мере за подводную лодку.

Ленька понял моментально. Подскочив к лунке, он перехватил леску и намотал на руку. Через минуту крупный окунь бился у наших ног. Мы с удивлением и восторгом смотрели на него.

— Закидывай еще! — закричал Ленька. — Тут их тьма, должно быть!

Но больше клева не было. Мы сидели долго, продрогли и только к вечеру собрались домой.

Окунь крепко примерз, и мы осторожно обкололи лед. Вместе с окунем отделилась толстая ледяная пластина, в которую он вмерз ребром.

— Это же готовая статуэтка, — сказал Ленька. — Давай поставим ее на наружный подоконник кухни.

Вернувшись домой, мы с трудом открыли окно, обмели от снега широкий подоконник и, облив его водой, поставили ледяную пластину с окунем.

Из кухни вид был отличный. Окунь стоял ребром, казалось, что его отковали из металла. В сильные вьюги, когда наш старый дом скрипел под ветром, снег, обтекая окуня, полировал его темные поблескивающие бока. От ветра «статуэтка» звенела, и нам казалось, что окунь мчится вперед, со свистом разрезая воздух грудью.

Простоял окунь на подоконнике до весны. В конце марта, когда с крыш с шуршанием пополз снег, длинная сосулька, сорвавшись с карниза, сбросила его на землю.

Видевший это Ленька вышел из дома, но подобрать окуня не успел. Две маленькие лохматые собачонки, рыча друг на друга, утащили окуня в подворотню.

Ф. КОМАЛОВ

СОБОЛЬИМ СЛЕДОМ

(Окончание. Начало см. на стр. 32)

явится так быстро. Охотник схватил ружье, Старый Соболь стрелой метнулся на землю. Буська рванулся наперерез и почти поймал хищника, но к нему с ревом бросился Лапчик и помешал соболятнику. Чудом увернувшись от двух собак, Старый Соболь стремглав взлетел на высокую ель, чья вершина смыкалась с огромным кедром.

Какая обида охотнику! Почти в руках была добыча, а теперь что делать? Ни лай собак, ни стук топора по стволу, ни дым костра, ни выстрелы не могли теперь спугнуть Старого Соболя, который затаился между стволами ели и кедра, не подавая никаких признаков жизни.

После долгих и напрасных усилий охотник совсем утомился. Он повесил над огнем котелок, набив его снегом, и присел немного отдохнуть у костра. Собаки перестали лаять и сидели рядом, посматривая то на охотника, то вверх, на крону ели. Невдалеке, возле остатков кабарожки, опять раздались крики воронов.

Охотник уже собрался срубить ель, а потом залезть на большой кедр, чтобы вспугнуть Старого Соболя, но крики воронов отвлекли его внимание. Он знал, что вороны не будут кричать зря на одном и том же месте, и решил пойти посмотреть, что случилось.

Старый Соболь видел с дерева, как охотник ушел, а за ним вслед пошла собака с пятнистыми передними лапами. Он надеялся, что и большой рыжий пес тоже уйдет, но бывалый соболятник не покидал своего поста.

Вскоре охотник и Лапчик вернулись. Человек нес остатки кабарожьего мяса и темно-бурую пятнистую шкурку. Он обжарил несколько кусков мяса на костре и дал их собакам.

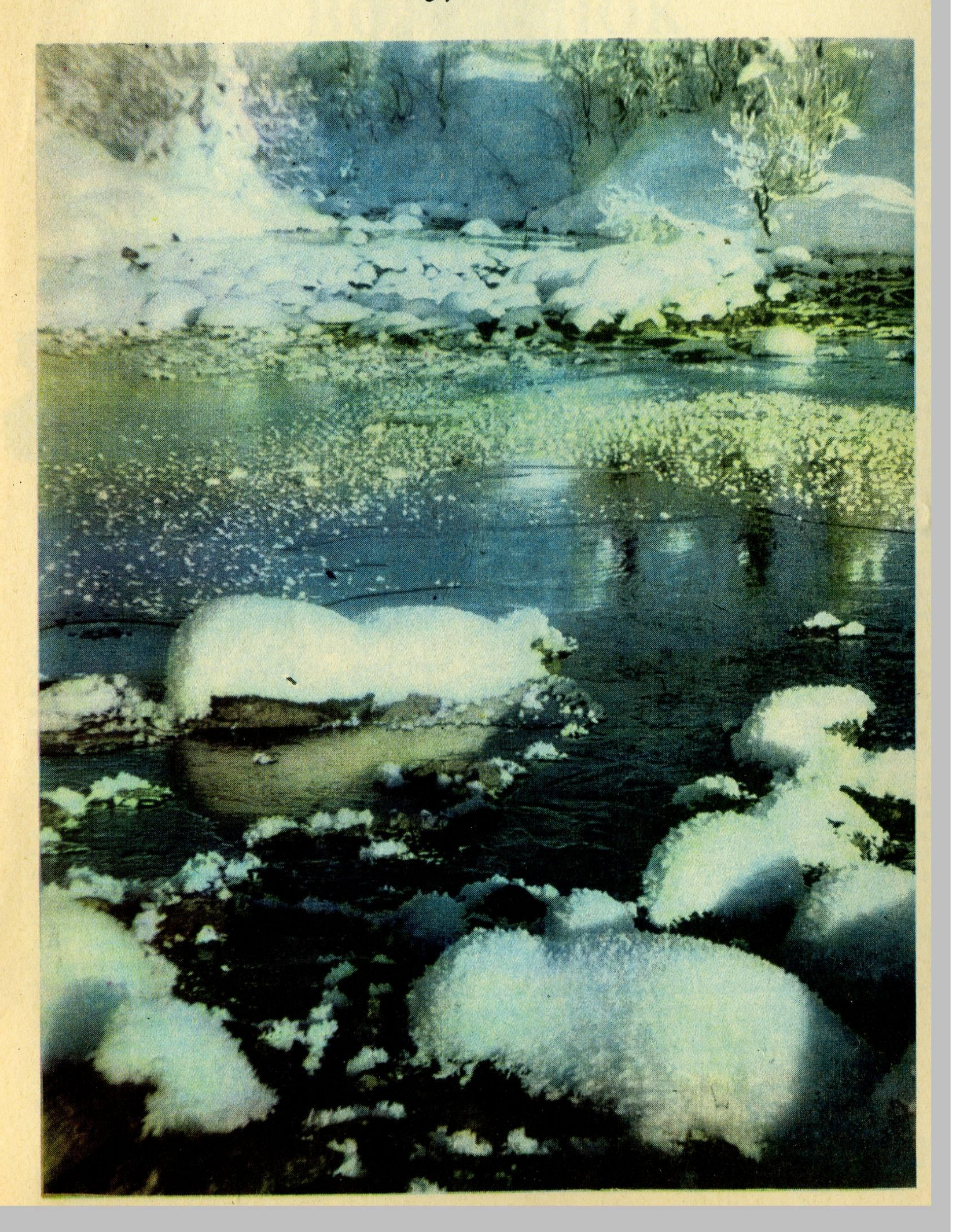
Только этого и нужно было Старому Соболю. В одно мгновение соскочил он с кедра и огромными прыжками помчался в сторону каменных глыб, которые выбивались из-под земли на краю склона. Там он уже не раз отсиживался и мог чувствовать себя в безопасности. Даже дым не страшен в этих лабиринтах между замшелыми скалами.

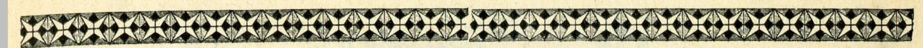
Подошел охотник к дереву с топором — глядит: с другой стороны из-за кедра свежий Соболиный след вьется. Опять ушел от него Старый Соболь.

Только теперь почувствовал охотник, как он устал, увидел, что одежда на нем вся мокрая, понял, что скоро темнеть начнет, а до зимовья так далеко. И вся его добыча сегодня — три белки да разорванная кабарожья шкура. И та ему от Старого Соболя в подарок досталась.

Ф. ТИХОМИРОВ

Записки натуралиста

ЯШКА

Сентябрьским утром я с мамой шел на дачу. Дорога тянулась вдоль реки и небольшого леса. Мы подошли к свежевырытой глубокой яме. На дне ее без движения лежал, распластавшись, маленький ежик. Я прыгнул в яму, потрогал ежика, он не шевелился. Я подумал, что он мертвый, но все равно взял его в руки. Ежик еле-еле начал свертываться в комочек. Мы принесли его на дачу. Дали ему яблок, винограду, но ежик ничего не мог есть, лежал и не двигался. Мы дали ему воды. Ежик немного попил, а потом накинулся на еду.

Он ожил, но был очень слаб, и я его решил взять домой. Отгородили ему уголок, сделали домик. Назвали ежа Яшкой.

Яшка очень любил молоко, кефир, простоквашу, мясо, рыбу. Быстро привык к своей кличке. Всю зиму Яшка прожил у нас в доме. Он не спал, как остальные ежики, зимой, а весело разгуливал по всей квартире. К весне он вырос, и мы его унесли на дачу. Жить Яшка поселился под нашим домом.

Первые дни мы его не видели, решили, что он убежал, но вскоре Яшка бегал по всей даче, не боясь людей. К нам ежик подходил незаметно, охотно откликался на кличку. Я брал Яшку на руки, он меня не колол и не вырывался, еду брал из рук.

Осенью его можно было видеть свернутым в клубок под каким-либо кустом.

Зимовал он под домом. Весной Яшка снова появился, очень худой. Мы его откормили, нас он не забыл и приходил на наши голоса.

Часто мы находили оборванную клубнику, сложенную в кучки, очевидно, это была его работа. Ежик завел свою семью. Летом из-под дома выходили два маленьких ежоночка, но они были дикие. А Яшка нас не забыл, он по-прежнему, как услышит наши голоса, незаметно подходит к нам.

Коля БАХОЛДИН

г. Волжский

У МЕНЯ ЖИВЕТ ВОЛЧОНОК

Папа принес волчонка. У него темно-синие глаза. Черный мокрый и холодный нос. Ушки стоят, на них желтенький пушок. Сверху на хвосте черное пятнышко — на него часто садятся мухи. Волчонок оказался девочкой. Я назвала ее Гелой и стала воспитывать вместе с нашими собаками — взрослым фокстерьером Плутей и двумя щенками — пойнтерами Лером и Джимом.

Своим поведением волчонок отличается от щенков.

Он очень дикий, боится каждого шороха, резкого движения, новых звуков и людей и, чуть что, стремится залезть под дом. Щенки беззаботнее, веселее, больше играют, волчонок же все время чем-то озабочен, осторожен. Во время прогулок по лесу чаще, чем щенки, отбегает от дороги в лес. Особенно часто волчонок тревожно поскуливает на лугу или в поле, когда нет рядом леса. Если наступишь на лапу щенку, он заверещит, а волчонок при этом боль переносит молча — испуганно шарахается в сторону и убегает.

Щенята очень часто виляют хвостом. Волчонок же это делает только в одном случае, когда подлизывается к взрослым собакам, например, к Плуте. Подходя к нему, Гела пригибается на лапах, опускает голову и отгибает ее слегка в сторону, подставляя Плуте шею: хвост при этом у нее поджат, и она им мелко повиливает. А на морде подобострастная, заискивающая улыбка.

Щенки относятся к волчонку проще, но не как к равному, они менее охотно играют с Гелой, чем друг с другом. Во время игр волчонок часто, широко раскрыв пасть, старается схватить щенка поперек спины, как настоящий волк овцу, щенки так не хватают ни друга друга, ни волчонка.

Когда Гела хочет играть, она неуклюже и смешно подпрыгивает так, что передняя часть туловища становится выше задней. Если щенки не обращают на нее внимания и продолжают играть друг с другом, она обходится без них: начинает играть с травинкой или с собственной лапой, хвостом. Даже жалко ее становится, никому не нужную. Но она не такая уж безобидная. Однажды в лесу нашла маленького птенчика. Понюхала и тут же схватила, хоть мы и никогда не кормили ее сырым мясом. Папа пытался отнять у нее птенчика, но она так сильно сжала челюсти (и откуда взялась такая сила), что папа долго не мог разжать их, а когда разжал и стал вытаскивать птенчика, Гела случайно укусила его за палец.

Вся компания ночует в одной вольерке. Когда не холодно, волчонок никогда не лезет в конуру, а ложится на ее крышу. Если же дождь, то он лезет в конуру, а щенки его не пускают, рычат оттуда.

Если Гела устанет во время прогулки по лесу, она подходит ко мне и касается боками ног, а потом встает на задние лапы, а передние протягивает ко мне — это означает: «Возьми, пожалуйста, на руки, я устала». А в общем-то, Гела ласковая, любит, чтобы ей внимание оказывали.

Когда гуляешь по лесу с одним волчонком, без щенков, он ведет себя самостоятельнее, идет впереди, при этом сворачивает в сторону, когда слышит где-то человеческие голоса, отыскивает под деревом укромное местечко и ложится отдыхать, засыпает. Спит Гела очень крепко, не реагирует на мой голос, на укусы комаров в морду, на дотрагивание травинкой, но стоит раздаться голосу чужих людей невдалеке, как она тут же просыпается, поднимает голову и тревожно настораживает уши.

Вот она какая, наша Гела!

Лена КОРЫТИНА

г. Киров

ДОРОГИЕ РЕБЯТА, УЧАСТНИКИ КОНКУРСА «РОДНИК»!

Мы получаем от вас очень много писем с рассказами, рисунками, стихами. К сожалению, ответить на все письма жюри не имеет возможности. Лучшие работы публикуются на страницах журнала. Желаем успеха!

«ЛИСА».

Андрей **ИСАЕВ**
г. Воркута

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Н. Ф. Михайловская**

Сдано в набор 5/XI 1971 г. Подп. к печ. 8/XII 1971 г. А08288. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 000 000 экз. Заказ 2277. Цена 20 коп.

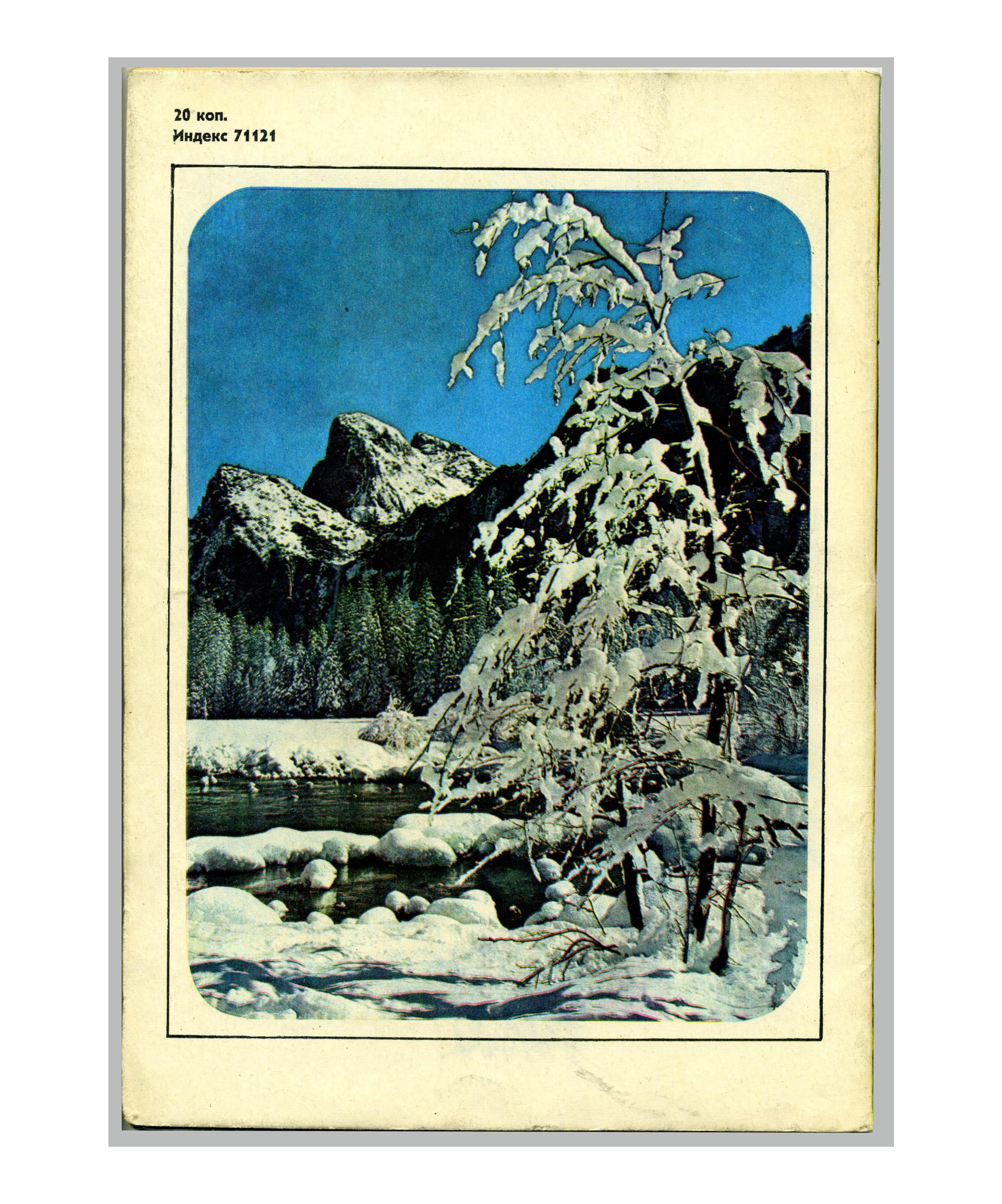
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«СНЕГОВИК УСНУЛ»

Марина **ЛАРИОНОВА**
Москва

20 коп.
Индекс 71121